

ИЗМЕНА.
СИЛА, КОТОРОЙ
ОН МЕНЯ ЛИШИЛ

Юлий Люцифер

Юлий Люцифер

Измена. Сила, которой он меня лишил

<https://litres.ru/74221114>

Аннотация

Я думала, что моя слабость — это приговор.

Что я просто неудачная жена великого магистра, женщина с тусклым даром, которой повезло оказаться рядом с сильным мужчиной.

Пока не узнала правду.

Мой муж не просто изменял мне. Он годами крал мою магию, лишая сил, воли и права быть собой. Он сделал меня удобной, тихой, зависимой — такой, чтобы я никогда не смогла уйти и не узнала, кем являюсь на самом деле.

Но в день его предательства все изменилось.

Моя сила вернулась.

Вместе с ней пробудилась память крови, древний дар и тайна, которую от меня скрывали с детства. Теперь бывший муж хочет вернуть то, что потерял, враги открывают охоту, а я впервые в жизни должна выбрать не мужчину, а себя.

Вот только слишком поздно он понял: женщина, которую он сломал, больше не существует.

И если он лишил меня силы однажды, то теперь я заберу у него все.

Содержание

Глава 1. Жена великого магистра	5
Глава 2. День, когда все рухнуло	30
Глава 3. Удобная жена	70
Глава 4. Следы чужого ритуала	107
Глава 5. Правда, которую нельзя простить	142
Глава 6. Изгнание	180
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Глава 1. Жена великого магистра

Иногда клетка бывает не из железа.

Иногда она соткана из шелка, золота и красивых слов.

И тогда особенно трудно понять, что ты давно уже пленница.

Когда-то я считала этот дом своей крепостью. Высокие арочные окна, мраморные лестницы, темное дерево, отполированное до зеркального блеска, старинные канделябры, магические светильники, разливающие мягкое янтарное сияние по стенам, — все здесь говорило о статусе, власти и безупречном вкусе его хозяина. Моего мужа.

Великого магистра Ардена Вальтера.

Мужчины, которого уважали при дворе, боялись в Совете и которому завидовали даже те, кто ненавидел. Мужчины, рядом с которым я должна была чувствовать себя защищенной.

Вместо этого я чувствовала себя тенью.

— Леди, вы опять почти не притронулись к завтраку.

Голос Мари, нашей старшей служанки, прозвучал мягко, почти виновато. Будто моя слабость была неудобством для нее, а не для меня. Я перевела взгляд на стол. На серебряном подносе все еще дымилась травяная настойка, рядом лежал подрумяненный тост, сыр, фрукты, тонко нарезанное мясо. Запах был приятным, аппетитным, но от одного вида еды к горлу подступала тошнота.

— Не хочется, — ответила я и осторожно коснулась виска.

Пальцы были ледяными.

Снова.

Последние годы я мерзла даже летом. Слабость поселилась во мне так давно, что стала почти привычной. Утренняя тяжесть в теле, дрожь в руках, внезапные головокружения, ощущение, будто внутри меня медленно вычерпывают жизнь тонкой серебряной ложкой. Лекари разводили руками. Говорили о хрупкой магической структуре, о редком истощении дара, о необходимости покоя, тишины и, конечно, строгого соблюдения назначений мужа.

Муж знал лучше.

Муж всегда знал лучше.

Я поднялась из-за стола, чувствуя, как подол домашнего платья мягко скользит по паркету. Окна столовой выходили в сад. Когда-то я сама выбирала, где будут расти голубые лилии, а где — белые розы. Когда-то я подолгу гуляла по этим дорожкам, читала в беседке, смеялась, ждала возвращения мужа с заседаний Совета. Тогда мне казалось, что у нас впереди целая жизнь. Дом, дети, общие тайны, вечера у камина, сплетенные пальцы, шепот в полумраке.

Как странно, что самые большие иллюзии всегда вспоминаются с особенной нежностью.

Потому что правда обычно слишком уродлива.

Я подошла к окну и прижала ладонь к прохладному стеклу. В саду сустились слуги, подрезая кусты. Дальше, за кованой оградой, серебрился утренний туман. С высоты второго этажа все казалось маленьким, аккуратным, правильным. И только внутри меня, как испорченный механизм, что-то снова стучало не в такт.

Магия.

Когда-то мне говорили, что у меня есть дар. Не такой яркий, как у мужчин моего рода. Не такой сильный, как у сильнейших магов столицы. Но все же достаточно редкий, чтобы в юности ко мне присматривались достойные женихи. Я помнила тот день, когда впервые зажгла в ладони живую искру — теплую, послушную, чистую. Мне было шестнадцать, и отец тогда улыбался так гордо, будто я подарила ему корону.

Потом отца не стало.

Потом случился брак.

Потом мой дар начал гаснуть.

Сначала медленно. Почти незаметно. Я уставала после простейших заклинаний, чаще ошибалась, дольше восстанавливалась. Арден успокаивал, говорил, что это временно, что после свадьбы магические потоки всегда перестраиваются, особенно у женщин. Потом появились лекарства. Настойки. Ритуалы укрепления, которые он проводил лично. Забота. Участие. Заботливые фразы, сказанные низким уверенным голосом, от которого у меня в груди всегда становилось одновременно теплее и страшнее.

«Тебе нельзя перенапрягаться, Лиора».

«Не спорь со мной, я хочу как лучше».

«Ты слишком слаба для таких вещей».

«Положись на меня».

Сначала это звучало как любовь.

Потом — как приговор.

— Господин магистр вернулся ночью? — спросила я, не оборачиваясь.

Мари замялась.

Эта короткая пауза сказала больше, чем любые слова.

— Да, леди.

— Очень поздно?

— Я не могу знать точно...

Я медленно прикрыла глаза.

Конечно, она не может знать.

Никто в этом доме ничего не знает точно. Все говорят вполголоса, смотрят в сторону, делают вид, что не замечают слишком очевидного. Так удобнее. Так безопаснее. Когда твой хозяин — человек, способный одним взглядом заставить замолчать зал, прислуга быстро учится не видеть лишнего.

Но я не была прислугой.

Я была его женой.

И именно поэтому мне было позволено видеть все. Просто запрещено было делать выводы.

— Он у себя? — спросила я.

— Кажется, да, леди. Господин магистр просил не тревожить его до полудня.

Я усмехнулась. Почти беззвучно.

Просил.

Как великодушно.

Мой муж мог отсутствовать ночами. Мог не предупредить. Мог возвращаться под утро с запахом чужих духов на воротнике, если бы захотел, и при этом весь дом продолжал бы склонять головы и шептать: господин устал, у господина важные дела, у господина государственная служба.

Я отвернулась от окна.

— Прикажи подать мне чай в малую гостиную.

— Да, леди.

Когда Мари ушла, я еще несколько секунд стояла неподвижно. Сердце билось слишком глухо, слишком тяжело, как будто тоже уставало жить во мне. Последние месяцы я все чаще ловила себя на мысли, что не узнаю собственную жизнь. Все вокруг будто покрывал тонкий слой пыли. Красивой, дорогой, золотистой пыли. Такой, под которой медленно умирают вещи, если их долго не трогать.

Иногда мне хотелось закричать.

Не от боли. Не от ревности. Даже не от одиночества.

От унижения.

От той вязкой, липкой безысходности, в которой женщина начинает сомневаться не в мужчине, а в себе. Может, я действительно слишком слабая. Может, недостаточно хорошая. Недостаточно интересная. Недостаточно живая. Может, рядом с такой, как я, любой мужчина рано или поздно станет холодным.

Я ненавидела эти мысли.

И все равно они возвращались.

Я направилась в малую гостиную, но на пороге остановилась. Сверху, с галереи второго этажа, доносились приглушенные шаги. Мужские. Уверенные. Легкие, несмотря на высокий рост и широкие плечи. Я бы узнала его поступь среди сотни других.

Ардена.

Он не спал.

Ложь ударила неожиданно больно. Какая мелочь — не спал ночью, не спал утром, велел не тревожить. Но именно из таких мелочей складываются трещины, по которым однажды рушится весь дом.

Я медленно подняла голову.

Он как раз появился на верхней площадке лестницы — в темной рубашке с расстегнутым воротом, без камзола, с еще влажными после умывания волосами. Красивый. Безупречно красивый той холодной, выверенной красотой, от которой у женщин перехватывало дыхание, а у мужчин рождалась зависть. Светлые волосы, строгие скулы, взгляд серых глаз, всегда чуть насмешливый, всегда будто знающий о тебе что-то, чего не знаешь ты сама.

Я когда-то любила этот взгляд.

Сейчас мне хотелось от него отвернуться.

Он заметил меня сразу. На мгновение его лицо осталось неподвижным, почти непроницаемым. Потом губы дрогнули в вежливой улыбке.

Вежливой.

Не теплой. Не радостной. Не той, которой встречают жену, с которой не виделись почти сутки.

— Ты уже на ногах, Лиора?

Я сжала пальцы в складках юбки.

— Как видишь.

Он начал спускаться по лестнице. Спокойно, неторопливо, будто между нами не было ни пустой ночи, ни натянутой тишины последних месяцев. Будто он по-прежнему был мужем, а я — женщиной, которая обязана принимать его равнодушие как форму благосклонности.

— Тебе следовало отдохнуть, — сказал он, остановившись в нескольких шагах. — Ты выглядишь уставшей.

Я едва не рассмеялась.

Конечно, уставшей.

Женщина, у которой крадут сон, уверенность, силу и достоинство, действительно выглядит уставшей.

— А ты выглядишь хорошо, — ответила я.

Он чуть приподнял бровь. Арден всегда чувствовал скрытые уколы. В этом и была одна из его страшных особенностей: он слышал не только слова, но и все то, что за ними

пряталось.

— У меня было насыщенное заседание, — произнес он ровно. — Совет затянулся до ночи.

Я смотрела на него молча.

Слишком долго.

Он выдержал мой взгляд без малейшего смущения.

Вот так и рождается безнаказанность: когда человек слишком давно уверен, что ему ничего не будет.

— Правда? — тихо спросила я.

— Ты сомневаешься?

Тон стал мягче. Опасно мягче. Он не повышал голос. Никогда почти не повышал. Но я слишком хорошо знала эту интонацию. Так он говорил, когда хотел напомнить: граница между дозволенным и недопустимым находится в его руках.

— Я давно уже ни в чем не уверена, Арден.

Несколько секунд он молчал. Потом перевел взгляд на

мое лицо внимательнее, будто впервые заметил бледность под глазами, сухость губ, общее истощение, которое я уже не могла скрыть ни платьями, ни прической, ни осанкой.

Или сделал вид, что заметил.

— Ты снова драматизируешь, — сказал он наконец. — Лекарь предупреждал, что на фоне слабого магического фона у тебя могут быть перепады настроения.

Слабого магического фона.

Я почти физически ощутила, как внутри поднимается что-то горячее. Колкое. Непривычное. Не совсем гнев — он во мне выгорал слишком быстро, потому что на него не оставалось сил. Но сейчас это ощущение было иным. Будто где-то в глубине затеплился огонь, давно скрытый под пеплом.

— Мой слабый магический фон, — повторила я, — удивительно удобно объясняет все, что тебе не хочется обсуждать.

Он прищурился.

— Что именно ты хочешь обсудить?

«Где ты был».

«С кем».

«Почему от тебя пахнет незнакомыми цветами».

«Почему я живу рядом с мужчиной, который смотрит на меня как на надоевшую обязанность».

Но я не произнесла ни одного из этих вопросов. Не потому, что боялась ответов. Хуже. Я боялась услышать ложь и снова сделать вид, что поверила.

— Ничего, — сказала я. — Уверена, у великого магистра слишком много важных дел для таких мелочей.

Уголок его губ дернулся.

— Если ты пытаешься вызвать у меня чувство вины, это не лучший способ.

— А у тебя оно вообще бывает?

Я сама не ожидала, что скажу это вслух.

Тишина в холле стала почти осязаемой. Даже магические

светильники, казалось, загорелись чуть тусклее. Из коридора бесшумно исчез молодой лакей, явно понявший, что случайно стал свидетелем чего-то лишнего.

Арден шагнул ближе.

Он не коснулся меня, но его присутствие сразу стало давящим, как и всегда. Сильный маг рядом ощущался не только как человек. Его энергия заполняла пространство — властная, густая, подчиняющая. Обычно в такие моменты моя собственная магия сжималась, будто отступала перед его силой. Но сейчас... сейчас она не исчезла.

Наоборот.

В груди кольнуло.

Резко. Почти болезненно.

Я едва заметно вздрогнула.

Арден это увидел.

— Тебе плохо? — спросил он, и на этот раз в голосе прозвучала настоящая настороженность.

Или расчет.

— Нет.

— Лиора.

— Я сказала — нет.

Он смотрел на меня слишком внимательно. Словно прислушивался не к словам, а к чему-то внутри меня. И чем дольше длился этот взгляд, тем сильнее становилось странное ощущение в солнечном сплетении — как будто невидимая нить, годами натянутая между нами, вдруг дрогнула.

Не порвалась.

Но дрогнула.

У меня перехватило дыхание.

На секунду мир качнулся. Пол ушел из-под ног, перед глазами потемнело, и я машинально схватилась за спинку ближайшего кресла. В ушах зазвенело. Но сквозь этот звон я ясно почувствовала другое — вспышку. Не боль. Не слабость. Импульс.

Чужой.

Нет.

Мой.

Что-то, похожее на тонкую золотую искру, скользнуло по венам и тут же исчезло, оставив после себя ошеломляющее чувство утраты. Будто я на миг коснулась чего-то родного, давно забытого и тут же снова потеряла.

— Лиора!..

На этот раз Арден действительно коснулся меня — сжал мой локоть уверенными холодными пальцами. И в ту же секунду внутри все обожгло.

Я вскрикнула и резко выдернула руку.

Он замер.

Я тоже.

Мы оба уставились друг на друга так, словно между нами произошло нечто, чему ни один из нас не мог сразу найти объяснение.

На внутренней стороне запястья, там, где его пальцы почти коснулись кожи, на мгновение проступил светящийся узор.

Тонкая линия. Полукруг. Несколько древних символов, вспыхнувших золотом и сразу исчезнувших.

Я судорожно вдохнула.

Нет.

Нет, этого не могло быть.

Я знала ритуальные знаки. Я училась читать древнюю вязь еще в детстве. И даже мимолетной вспышки мне хватило, чтобы понять: это был не случайный магический отклик.

Это была печать.

Старая. Глубокая. Встроенная в энергетический контур.

Печать подавления.

Меня пробил холод.

Арден первым овладел собой. Его лицо стало непроницаемым так быстро, что я почти усомнилась в том, что вообще видела на нем тревогу.

— Ты перенапряглась, — произнес он жестко. — Я велю вызвать врача.

— Не надо.

— Это не просьба.

— Я сказала, не надо!

Мой голос сорвался слишком резко. Слишком громко. Но меня уже не волновало, как это выглядит. Я отступила на шаг, прижимая руку к груди, словно хотела удержать там остатки той золотой вспышки.

Печать.

На мне была печать.

И если я права... если я действительно права...

В голове стало шумно. Все последние годы вдруг выстроились в слишком стройную цепочку. Слабость. Истощение.

постоянные настойки. Личные ритуалы мужа. Его контроль. Его уверенность, что без него я не справлюсь. Его мягкое, уверенное «ты слишком слаба». Слишком часто. Слишком удобно. Слишком...

— Лиора, — сказал Арден тише, — посмотри на меня.

Я не хотела.

Но посмотрела.

И впервые за все время брака мне показалось, что я вижу перед собой не мужа.

Не мужчину, которого когда-то любила.

Не защитника.

А кого-то гораздо более опасного.

Он был собран, красив, безупречен, как всегда. Но теперь я уловила в его взгляде то, на что раньше не решалась смотреть прямо. Не раздражение. Не усталость. Не снисходительность.

Страх.

Мгновенный. Почти незаметный.

И этого оказалось достаточно.

Потому что великий магистр Арден Вальтер не боялся почти ничего.

Но сейчас он испугался меня.

Или того, что я могла понять.

— Мне нужно отдохнуть, — сказала я хрипло.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и пошла прочь. Я ждала, что он остановит меня. Прикажет. Схватит за руку. Позовет слуг. Но он не сделал ничего.

Только его взгляд жег мне спину, пока я поднималась по лестнице.

Лишь оказавшись у дверей своих покоев, я позволила себе закрыть их изнутри и прислониться к дереву всем телом. Ноги дрожали. Сердце колотилось так сильно, будто пыталось выломать ребра.

В комнате было тихо. Слишком тихо. Только часы на камине отсчитывали секунды, и этот звук почему-то казался мне зловещим.

Я медленно подошла к зеркалу.

Из отражения на меня смотрела женщина, которую я знала и не знала одновременно. Темные волосы собраны слишком строго. Лицо бледное, скулы заострились. Под глазами тени. Губы почти бескровные. Но дело было не в этом.

Взгляд.

Мой взгляд изменился.

В нем больше не было той привычной покорной усталости, с которой я просыпалась последние годы. Там появилось нечто другое. Осторожное. Острый край догадки. Начало ярости.

Я подняла руку и провела пальцами по запястью.

Кожа была чистой.

Никаких следов.

Никаких знаков.

Только память о золотой вспышке, слишком яркая, чтобы быть плодом воображения.

— Нет, — прошептала я своему отражению. — Нет... этого не может быть.

Но внутри уже росла уверенность, холодная и беспощадная.

Может.

Еще как может.

Я опустилась в кресло у окна, не замечая, как дрожат плечи. Воспоминания лезли одно за другим. Первая брачная ночь, после которой мне было так плохо, что я неделю не вставала. Его настойки. Его ритуалы на новолуние, к которым он меня не подпускал, но всегда требовал, чтобы я находилась рядом. Его раздражение всякий раз, когда я пыталась вернуться к занятиям магией. Его ласковое: «Оставь, это не для тебя». Его спокойное: «Ты слишком хрупкая». Его уверенность: «Без меня ты пропадешь».

А если нет?

Если я не слабая?

Если меня сделали слабой?

Комната будто стала меньше. Воздуха не хватало. Я встала, подошла к секретеру, выдвинула нижний ящик и достала старую тетрадь в темно-синем переплете. Дневник юности. Конспекты с занятий. Фрагменты древних схем, которые я когда-то переписывала от руки, потому что обожала разбирать магические контуры.

Пальцы дрожали так сильно, что я едва могла переворачивать страницы.

Печати подавления. Симбиотические контуры. Каналы передачи силы между связанными магами. Полузабытые заметки, которые когда-то казались мне сухой теорией.

Теперь они дышали угрозой.

На одной из страниц был зарисован знак — не целиком, только фрагмент. Полукруг. Узел из трех линий. Вплетенный символ поглощения.

Точно такой же, как тот, что вспыхнул у меня на запястье.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то медленно, неотвратно ломается.

Нет.

Не ломается.

Просыпается.

Снизу донесся глухой звук закрывающейся двери. Потом быстрые шаги. Потом снова тишина.

Муж ушел.

И впервые за много лет я не почувствовала облегчения от его отсутствия.

Я почувствовала опасность.

Потому что если моя догадка верна, если он действительно наложил на меня печать подавления... значит, измена — это еще не худшее, на что оказался способен мой муж.

Я медленно закрыла тетрадь и прижала ее к груди.

За окном сгустился туман. Белые розы в саду казались призрачными. Где-то в глубине дома пробили часы. Одиннадцать ударов. Обычное утро в доме великого магистра. Слуги заняты своими делами. Хозяйка бледна. Хозяин безупречен. Все идет как всегда.

Только «всегда» закончилось.

Я еще не знала, что именно найду.

Не знала, сколько лжи скрыто в стенах этого дома.

Не знала, сколького он меня лишил.

Но в одном я была уверена уже сейчас.

Сегодня я впервые перестала быть просто удобной женой.

И если внутри меня действительно еще жива сила, которую так долго душили, однажды она ответит.

Ему.

И всем, кто думал, что меня можно сломать безнаказанно.

Глава 2. День, когда все рухнуло

В тот день дождь начался еще до полудня.

Сначала едва слышно — как шепот по стеклу, как осторожное касание чьих-то пальцев к окну. Потом небо потемнело, низко нависло над городом, и вода хлынула сплошной серой стеной, смывая с улиц пыль, следы экипажей и чужие тайны. Я сидела у окна своей комнаты, не зажигая света, и смотрела, как по стеклу медленно ползут прозрачные дорожки.

В руках у меня лежала тетрадь.

Та самая. С моими старыми записями, схемами, заметками, сделанными еще тогда, когда я была живой. Когда верила, что магия — это дар, а не то, чем можно сделать женщину удобной.

Я уже в десятый раз перечитывала страницу с фрагментом печати подавления, и с каждым новым взглядом буквы переставали быть просто чернилами. Они становились доказательством. Почти признанием. И от этого мне было одновременно страшно и странно спокойно.

Потому что правда, даже самая чудовищная, все равно лучше тумана.

В тумане ты сходишь с ума.

А правда, как лезвие, хотя бы режет честно.

Я провела пальцем по рисунку.

Полукруг. Узел из трех линий. Символ отвода энергии. Контур подчинения через постоянный телесный доступ. Внизу моя юная, еще аккуратная, почти девичья приписка:

Используется только с добровольного согласия носителя или при глубокой привязке.

Я судорожно усмехнулась.

Добровольного.

Как интересно устроена ложь. Сначала тебя учат доверять. Потом называют доверие согласием. Потом согласием оправдывают все, что с тобой сделали.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

Мари внесла поднос с обедом, осторожно поставила его на низкий столик и бросила на меня быстрый тревожный взгляд. Я знала этот взгляд. Так смотрят на человека, о котором не знают, уже ли он болен или наконец прозрел.

— Вы почти ничего не ели с утра, леди.

— Не голодна.

— Может, хотя бы бульон?

— Оставь.

Она поколебалась, потом все-таки не ушла.

— Леди... господин магистр приказал передать, что сегодня к ужину будут гости.

Я медленно подняла голову.

— Гости?

— Да. Закрытый прием. Несколько членов Совета и... — она запнулась.

— И?

— Госпожа Вивиан Рейнер.

Имя скользнуло по комнате, как тонкий отравленный нож.

Я знала его.

Конечно, знала.

Вивиан Рейнер — молодая вдова одного из советников, красивая, слишком красивая, чтобы это не обсуждали, умная ровно настолько, чтобы мужчины считали ее украшением, а женщины — опасностью. Светлые волосы, идеальная осанка, хищная вежливость. Я видела ее несколько раз на приемах. Она всегда улыбалась мне с той особенной мягкостью, за которой безошибочно угадывается превосходство.

Женщина, заранее знающая, что ее уже выбрали.

Я почувствовала, как что-то внутри снова сжалось, но теперь уже не так, как раньше. Не от боли.

От холодной ясности.

— Разве она член Совета? — спросила я ровно.

— Нет, леди. Но... ее имя есть в списке приглашенных.

Конечно.

Я перевела взгляд обратно на дождь.

— Спасибо, Мари. Оставь меня.

— Да, леди.

Она ушла, но запах горячего бульона еще долго висел в комнате, смешиваясь с сыростью дождя и слабым ароматом бумаги. Я сидела неподвижно, глядя в одну точку.

Вивиан Рейнер.

Значит, он уже не считал нужным соблюдать даже видимость.

Или считал, что я настолько сломлена, что стерплю и это.

Я закрыла тетрадь и положила ее рядом. Пальцы были спокойны. Слишком спокойны. Такое случается перед бурей — когда внутри все вдруг замирает, словно сама душа втя-

гивает воздух перед криком.

Ужин.

Гости.

Любовница в моем доме.

Все выглядело почти пошло. Настолько банально, что можно было бы даже рассмеяться, если бы не тошнота от понимания: дело давно уже не только в женщине. Не в постели. Не в унижении. Это было что-то гораздо глубже и грязнее.

Я встала и подошла к зеркалу.

Отражение встречало меня молчанием. Бледное лицо, темные волосы, тонкая шея, слишком хрупкие ключицы под тканью домашнего платья. Когда-то Арден говорил, что я похожа на ночной цветок. Красивый, тихий, нежный. Тогда мне казалось это комплиментом.

Теперь я слышала в этих словах совсем другое.

Удобная.

Ломкая.

Та, которую легко поставить в вазу и любоваться, пока она

не завянет.

— Хватит, — тихо сказала я отражению.

И впервые за долгое время начала переодеваться не для него. Не для гостей. Не для роли.

Для себя.

Я выбрала темно-синее платье, одно из немногих, которые он не любил. Без лишних кружев, без воздушной беспомощности, которой так восхищались придворные дамы. Плотная ткань, четкий силуэт, высокий ворот и длинные рукава, скрывающие запястья. Цвет ночного неба перед грозой. Цвет, в котором я казалась старше, строже, опаснее.

Мари, когда вернулась помочь с волосами, заметно удивилась.

— Леди, господин магистр просил, чтобы к ужину вы надели серебристое...

— Я надену это.

Она опустила глаза.

— Да, леди.

Я позволила собрать волосы в гладкий узел, оставив только несколько мягких прядей у висков. Украшения выбрала сама — старый кулон матери, который почти никогда не носила. Черный камень в тонкой серебряной оправе. Раньше он казался мне слишком мрачным.

Сегодня — правильным.

Когда часы пробили семь, дождь все еще лил. В доме уже горели все магические светильники, отбрасывая на мрамор теплые золотые блики. Снизу доносились голоса, приглушенный смех, звон бокалов. Прием начинался.

Я спускалась по лестнице медленно, держась за холодные перила. Слабость никуда не делась. Каждый шаг отзывался легкой дрожью в коленях. Но вместе с дрожью было и что-то другое — внутренний стержень, которого не хватало мне последние годы.

Пусть даже он только зарождался.

В холле стоял запах вина, дорогих духов и горящего дерева из каминного зала. Несколько гостей уже беседовали у высоких окон. Члены Совета, их жены, двое военных, пожи-

лой архивариус, чье лицо я смутно помнила по зимнему балу. Все привычно. Все достойно. Все так, как любит Арден: безупречная форма, за которой удобно прятать гниль.

Он стоял у камина.

Разговаривал с одним из советников, слегка склонив голову, уверенный, красивый, безукоризненно одетый в черный камзол с серебряной вышивкой по вороту. Его лицо было спокойным, голос ровным, жесты точными. Он выглядел человеком, которому принадлежит не только дом, но и каждый взгляд в этой комнате.

Когда я вошла, он повернул голову.

На одно короткое мгновение его взгляд задержался на моем платье, на кулоне, на убранных волосах, и в глубине серых глаз мелькнуло что-то похожее на раздражение.

Он подошел почти сразу.

— Ты все-таки решила спуститься.

— Это и мой дом тоже, — ответила я.

Его губы тронула та самая тонкая улыбка, которая снару-

жи казалась любезностью, а внутри всегда была предупреждением.

— Конечно, Лиора. Никто и не спорит.

— Правда? — я посмотрела ему в глаза. — А иногда создается иное впечатление.

Он чуть наклонился ближе, сохраняя на лице безупречно светское выражение.

— Не устраивай сцен при гостях.

— Тогда не давай мне повода.

На его скулах на миг напряглись мышцы.

— Ты сегодня особенно дерзка.

— Возможно, я просто устала быть удобной.

Секунда.

Одна единственная секунда тишины между нами, в которой снова дрогнула та странная невидимая нить. Я почувствовала, как где-то под ребрами кольнуло. Слабо, почти

неощутимо. Но Арден это тоже заметил — я увидела по тому, как на миг изменился его взгляд.

Он хотел что-то сказать, но в этот момент у входа раздался новый голос:

— Надеюсь, я не опоздала.

Я обернулась.

Вивиан Рейнер стояла в дверях, стряхивая с плаща капли дождя. Высокая, светловолосая, в темно-винном платье, которое обнимало ее фигуру слишком безупречно, чтобы это было случайностью. Ее кожа сияла в свете ламп, губы были чуть тронуты улыбкой, в глазах блестело спокойное знание своей власти.

Она увидела меня.

На мгновение ее улыбка стала еще мягче.

— Леди Вальтер, — произнесла она, приблизившись. — Вы прекрасно выглядите.

— Благодарю, госпожа Рейнер. Вы тоже.

Ложь вежливости была почти изящной.

Я перевела взгляд на Ардена.

Он уже взял себя в руки. Повернулся к Вивиан, как хозяин дома к желанной гостье, и именно в этой легкости, в этой отточенной естественности было что-то унижительнее прямого признания. Так не смотрят на случайную знакомую. Так не подают руку женщине, к которой равнодушны. Так не задерживают пальцы на локте, пусть даже на долю секунды дольше, чем требует этикет.

Этой доли секунды мне хватило.

Боль должна была прийти.

Обычная. Женская. Горькая.

Но вместо нее во мне поднялась ледяная ярость.

Все вокруг продолжало двигаться как ни в чем не бывало. Гости говорили, слуги разносили вино, кто-то смеялся у окна, трещали поленья в камине. А я стояла в центре собственного дома и вдруг с ужасающей ясностью понимала: меня давно уже убрали с доски. Формально я еще была женой. По факту — лишней фигурой, которую терпят только потому,

что она пока не мешает.

— Прошу к столу, — раздался голос одного из лакеев.

Мы переместились в столовую. Длинный стол сиял хрусталем, серебром и белизной скатерти. Арден, конечно, сидел во главе. По правую руку от него обычно сидела я. Сегодня это место все еще осталось за мной — видимость соблюдалась. Но Вивиан оказалась слишком близко. Всего через одного гостя. Достаточно, чтобы я видела, как часто их взгляды пересекаются. Достаточно, чтобы слышать ее смех — слишком тихий, слишком личный для общих шуток.

Я почти не ела.

Не потому, что не могла.

Потому что не хотела участвовать в этом спектакле.

Разговор шел о делах Совета, о новых ограничениях на использование боевой магии в провинциях, о каком-то торговом соглашении с севером. Я слушала вполуха, автоматически отмечая, как ловко Арден держит внимание зала. Он говорил уверенно, спокойно, без нажима — и именно поэтому ему верили. Люди всегда доверяют тем, кто не кричит.

Монстры редко шумят до первого укуса.

Вивиан что-то спросила о старых магических родах. Арден ответил. Потом она снова улыбнулась, и в этой улыбке было больше интимности, чем в любом прикосновении.

Я больше не могла на это смотреть.

— Простите, — сказала я, отодвигая бокал. — Мне нужно выйти.

Никто не стал задерживать. Только Арден коротко взглянул на меня. Настороженно. Почти зло.

Я встала из-за стола и вышла в коридор.

Тишина за дверями столовой ударила по ушам. После гула голосов пустой коридор показался почти нереальным. Только дождь бил по стеклам дальних окон да часы где-то в глубине дома отмеряли время.

Я шла быстро, сама не зная куда. Лишь бы подальше от их голосов. От его спокойствия. От собственного унижения, которое начинало жечь кожу.

На повороте у малой библиотеки я остановилась и прижа-

лась ладонью к стене.

Дышать.

Просто дышать.

Но воздух царапал горло, будто я вдыхала пепел.

— Лиора?

Я резко обернулась.

У выхода на внутреннюю галерею стоял молодой лакей — Эдрик, кажется. Совсем недавно поступил к нам в дом, еще не научился до конца быть невидимым.

— Чего тебе?

Он заметно смутился.

— Простите, леди. Я... господин магистр велел принести в кабинет документы, а дверь заперта. Я подумал, может быть, вы знаете, где он.

Кабинет.

Я посмотрела на юношу чуть внимательнее.

— Разве он не в столовой?

— Сейчас — да, леди. Но документы нужны срочно. Он просил положить их в малом кабинете на верхней галерее. Я постучал, но там... — он замолчал.

— Что?

— Мне показалось, будто внутри кто-то есть.

У меня внутри что-то тихо щелкнуло.

Малый кабинет на верхней галерее Арден использовал редко. Обычно для личных разговоров, которые не должны были доходить до ушей прислуги. Или для ритуалов, где ему требовалась тишина.

— Дай мне бумаги, — сказала я.

— Леди?..

— Я сама отнесу.

Он, поколебавшись, протянул мне папку с документами.

Я взяла ее, чувствуя, как пальцы становятся холодными. Почему-то именно в этот момент мне стало совершенно ясно: назад дороги нет.

Я поднялась по боковой лестнице.

Коридор верхней галереи был полутемен, здесь горели только настенные светильники, и их света едва хватало, чтобы золотом обозначить края дверей и рам портретов. За окнами ревел дождь. Дом, минуту назад полный людей, вдруг показался пустым и настороженным, как зверь перед прыжком.

Я подошла к двери малого кабинета.

Она действительно была закрыта.

Но не заперта.

Стоило мне нажать ручку, как створка беззвучно подалась внутрь.

В комнате было темно, только от камина в дальнем углу по полу тянулись рыжие отсветы. Пахло вином. Мужскими духами. И сладковатым, тяжелым ароматом незнакомых цветов — слишком густым, чтобы его можно было не узнать по-

сле утренней лжи.

На спинке кресла лежал женский плащ.

Бордовый.

С еще не высохшими каплями дождя.

Я не сразу осознала, что перестала дышать.

Потом услышала звук.

Не голос даже. Тихий смех. Женский. Из соседней комнаты, скрытой за внутренней дверью.

Мои пальцы сжали папку так сильно, что край бумаги впился в ладонь.

Один шаг.

Еще один.

Я подошла к внутренней двери и толкнула ее.

Они были там.

У окна.

На фоне дождя и ночного неба.

Арден и Вивиан.

Ее ладони лежали на его груди, его рука — на ее талии, слишком привычно, слишком уверенно. Они стояли так близко, что между ними не осталось ни воздуха, ни приличий. Вивиан подняла лицо к нему, и я увидела на ее губах улыбку женщины, которая уже получила свое.

А потом Арден поцеловал ее.

Медленно. Без спешки. Не как мужчина, пойманный врасплох, не как случайная ошибка, не как слабость, о которой стыдятся.

Как человек, уверенный в своем праве.

Мир не рухнул в одну секунду.

Он треснул.

Сначала где-то внутри, под ребрами. Потом в горле. Потом в голове, где будто разом разлетелись все последние

оправдания, все жалкие попытки объяснить его холодность усталостью, делами, характером, властью, чем угодно — только не отсутствием любви.

Он отстранился первым.

Увидел меня.

И в его глазах не было ужаса.

Только раздражение.

Будто я вошла не в момент измены, а прервала важный разговор.

Вивиан медленно обернулась следом. Ее руки опустились, но на лице не появилось ни стыда, ни паники. Лишь легкое, почти досадливое напряжение.

— Лиора, — произнес Арден таким тоном, словно я застала его за чтением письма, — ты не должна была сюда входить.

Несколько секунд я просто смотрела на него.

На него.

На нее.

На огонь в камине, отражавшийся в хрустальном бокале на столике.

На смятую подушку у дивана.

На расстегнутый верх его камзола.

На след ее помады, едва заметный у края его губ.

Все это я видела слишком ясно. До тошноты. До звона в ушах.

— Не должна была? — повторила я.

Мой голос звучал чужим. Тихим. Почти мертвым.

— Ты нарушила мои границы, — сказал он, и во мне что-то окончательно оборвалось.

Мои.

Границы.

В моем доме.

С моей жизнью.

С моей болью.

Я медленно опустила папку на ближайший столик. Очень аккуратно. Даже бережно.

Потому что если бы не эта аккуратность, я, наверное, швырнула бы ее ему в лицо.

— Ты привел ее сюда? — спросила я. — В этот дом?

— Лиора, не начинай истерику, — произнес Арден, и Вивиан чуть заметно отвела взгляд, как будто ей уже было неловко не от самого происходящего, а от того, что ей приходится это слушать.

— Истерика? — переспросила я. — Это так теперь называется?

— Ты слишком возбуждена. Сядь, успокойся, и мы поговорим.

Я рассмеялась.

На этот раз вслух.

Сухо. Резко. Так, что даже сама себя не узнала.

— Поговорим? — я шагнула ближе. — О чем, Арден? О том, что ты целуешь свою любовницу в доме, где живет твоя жена? Или о том, что ты даже не считаешь нужным скрываться?

Вивиан наконец подала голос:

— Думаю, мне лучше уйти.

— О, нет, — сказала я, не сводя с нее глаз. — Не лишайте меня удовольствия увидеть женщину, ради которой мой муж так низко пал.

Она вспыхнула.

— Следите за тоном, леди Вальтер.

— А вы — за чужими мужьями.

Арден сделал шаг вперед.

— Хватит.

В его голосе зазвенела сталь.

Но что-то во мне уже перестало бояться этой стали.

— Нет, Арден, — произнесла я тихо. — Хватит — это как раз про меня. Хватит быть слепой. Хватит верить, что ты просто охладел. Хватит делать вид, что мой брак еще что-то значит.

Его лицо стало жестче.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Зато теперь понимаю, что вижу.

Я перевела взгляд на Вивиан.

— Давно?

Она не ответила.

Ответил он.

— Это не имеет значения.

И это было хуже всего.

Не отрицание.

Не оправдание.

Не даже ложь.

Полное, бесстыдное убеждение, что мне не положено знать.

Что мне не положено требовать.

Что моя боль не имеет веса.

— Для тебя, возможно, — сказала я. — Для меня имеет.

Я развернулась, собираясь уйти, потому что еще секунда — и меня бы либо стошнило, либо я ударила бы его, а я не хотела подарить им такое зрелище.

Но Арден произнес у меня за спиной:

— Ты ведешь себя неблагоприятно.

Я остановилась.

Медленно.

Очень медленно обернулась.

— Неблагодарно?

— Да. И я советую тебе взять себя в руки. Ты моя жена. Это положение накладывает обязанности.

Наверное, именно в этот момент и случилось то, после чего моя жизнь разделилась на до и после.

Не когда я увидела поцелуй.

Не когда услышала его равнодушие.

А когда он заговорил об обязанностях.

Потому что в этих нескольких словах была вся правда о нашем браке.

Не любовь.

Не уважение.

Не хотя бы сожаление.

Только статус, который я обязана была обслуживать, даже когда меня унижают.

— Обязанности? — спросила я.

— Ты не опозоришь меня сценами, слухами и жалобами. У тебя есть дом, имя, содержание. Не заставляй меня напоминать, чем ты обязана мне.

Он сказал это спокойно. Почти лениво.

Как будто давал полезный совет.

Как будто не стоял передо мной с женщиной, которую только что целовал.

У меня задрожали руки.

И вместе с дрожью пришло другое чувство — то самое, утреннее. Горячее. Непривычное. Только теперь оно было сильнее. Гораздо сильнее.

— Чем обязана тебе? — переспросила я.

Он чуть склонил голову.

— Всем.

В комнате стало тихо.

Даже дождь будто отступил.

Все мое прошлое — каждая настойка, каждый запрет, каждая ночь, когда я ждала его возвращения, каждое утро, когда поднималась из постели едва живая, каждая минута сомнений в себе — все это собралось в одну ослепительную точку.

И взорвалось.

Я не успела подумать.

Не успела испугаться.

Не успела вспомнить, что я слабая, больная, истощенная, почти лишенная дара женщина.

Моя ладонь поднялась сама.

Воздух в комнате вспыхнул золотом.

Ударило так, что окна дрогнули.

Вивиан вскрикнула и отшатнулась. Арден резко выставил руку, ставя защиту, но поздно — волна силы уже сорвалась с моих пальцев, сметая бокалы со стола, опрокидывая кресло, срывая с его груди серебряную застёжку. По полу пробежали искры. Камин взревел так, будто в него бросили масло.

Я застыла, не веря собственным глазам.

Это была я.

Моя сила.

Не жалкая искра.

Не слабый отклик.

Полноценный магический выброс. Яркий. Живой. Настоящий.

Арден тоже это понял.

Его лицо изменилось.

И вот теперь в его глазах был уже не просто страх.

Потрясение.

— Лиора... — произнес он хрипло.

Но мне уже было плевать, что он скажет.

Я смотрела на собственную руку, вокруг которой еще вил-ся тонкий золотой свет, и чувствовала себя человеком, кото-рый много лет жил с завязанными глазами, а потом их вне-запно сорвали.

Я не была пустой.

Не была сломанной.

Не была слабой.

Он лгал.

Все это время он лгал.

Вивиан, бледная, прижавшая ладонь к груди, переводила взгляд с меня на него.

— Ты говорил, она почти без дара, — прошептала она.

Эти слова ударили сильнее пощечины.

Ты говорил.

Значит, они обсуждали меня.

Мою силу.

Мою слабость.

Меня.

Как вещь.

Я подняла глаза на Ардена.

— Так вот в чем дело?

Он шагнул ко мне.

— Послушай меня.

— Нет, — отрезала я. — Теперь ты слушаешь меня.

Внутри все дрожало, магия билась под кожей, как живая, непривычная река, слишком долго запертая в камне. Мне было страшно, да. Очень. Но страх уже не мог заглушить ярость.

— Ты предал меня, — сказала я. — И этого я тебе не прощу. Но если я узнаю, что ты сделал со мной что-то еще... если все эти годы я была слаба не сама по себе...

Я не договорила.

Потому что по его лицу увидела: я попала в цель.

Всего одно мгновение.

Но мне хватило.

— Значит, правда, — выдохнула я.

— Лиора, ты ничего не понимаешь.

— Тогда объясни! — крикнула я, и в комнате снова дрогнул воздух. — Объясни мне, почему моя сила вернулась именно сейчас! Объясни, почему на мне печать! Объясни, почему ты смотришь на меня так, будто боишься!

Вивиан отступила еще дальше.

Арден молчал.

Молчал.

И этим молчанием признавался лучше любых слов.

У меня потемнело в глазах не от слабости — от ярости, такой чистой и обжигающей, что я едва могла стоять на месте.

— Ты чудовище, — сказала я очень тихо.

Его лицо стало каменным.

— Достаточно.

— Нет. Это еще только начало.

Я развернулась и пошла к выходу.

На этот раз он действительно попытался меня остановить. Схватил за запястье — резко, слишком резко, как хозяин, которому уходит принадлежащая вещь.

И в ту же секунду под его пальцами вспыхнул знак.

Тот самый.

Золотая вязь проступила уже не на миг — отчетливо, ярко, словно сама магия наконец решила перестать скрывать правду. Полукруг. Узел. Символ отвода. Печать подавления.

Мы оба уставились на нее.

Вивиан тихо ахнула.

— Что это?..

Я вырвала руку.

Знак не исчез сразу. Он горел на моей коже, как клеймо, как улика, как приговор ему.

— Вот это, — сказала я, глядя Ардену прямо в глаза, — и есть день, когда все для тебя рухнуло.

Я вышла, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла.

Коридор встретил меня холодом. Я шла быстро, почти

не чувствуя ног. Где-то внизу все еще продолжался прием, звучали голоса, кто-то смеялся, играла музыка. Мир не знал, что только что в маленькой комнате наверху вскрылась гниль, на которой держалась чья-то безупречная жизнь.

Я добралась до своих покоев и захлопнула дверь.

На этот раз не просто закрыла.

Запечатала.

Инстинктивно. На голой ярости. На том, что сама не до конца понимала.

По контуру двери пробежала золотая нить и тут же впиталась в дерево.

Я смотрела на это, тяжело дыша.

Магия слушалась меня.

Пусть неуверенно. Пусть дико. Но слушалась.

Я прижала ладони к лицу.

Меня трясло.

От слез, которые так и не пришли.

От поцелуя, который я не могла развидеть.

От его слов.

От знака на запястье.

От осознания, что измена — это верхушка. А под ней лежит нечто куда страшнее.

Я подошла к умывальному столику, плеснула в лицо холодной водой и подняла голову.

В зеркале отражалась уже не та женщина, что сидела у окна днем.

Что-то изменилось окончательно.

Да, мне было больно.

Да, внутри все было будто разрезано на части.

Но поверх этой боли легла новая, беспощадная ясность:

он не просто перестал меня любить.

Он использовал меня.

И если на мне действительно стояла печать, если он годами отводил мою силу себе...

тогда наш брак был не трагедией.

Он был преступлением.

Я медленно опустила взгляд на запястье.

Золотой знак уже бледнел, но все еще виднелся на коже.

Доказательство.

Первое настоящее доказательство того, что я не сошла с ума.

За дверью слышались шаги.

Тяжелые. Уверенные.

Арден.

Он подошел вплотную и остановился.

Несколько мгновений стояла тишина.

Потом его голос, глухой из-за магической запечатки, прозвучал почти спокойно:

— Открой дверь, Лиора. Нам нужно поговорить.

Я закрыла глаза.

Еще вчера я бы открыла.

Еще утром — дрожала бы.

Но сейчас нет.

— Уходи, — сказала я.

— Ты не понимаешь последствий.

— Это ты их пока не понимаешь.

Пауза.

Потом его голос стал жестче:

— Не заставляй меня применять силу.

Я медленно открыла глаза и посмотрела на свое отражение.

Бледная. Уставшая. С растрепавшимися прядями, с лихорадочным блеском в глазах, с запястьем, на котором медленно угасал знак.

И все же впервые в жизни я увидела в этом отражении не жертву.

— Попробуй, — тихо ответила я.

За дверью воцарилась тишина.

Долгая.

Опасная.

А потом его шаги начали удаляться.

Я стояла неподвижно, пока они не исчезли совсем.

Только после этого ноги подкосились, и я медленно опу-

стилась на пол у кровати, прижимая к груди дрожащие руки.

Я не знала, что будет завтра.

Не знала, насколько он опасен.

Не знала, кому еще можно доверять.

Но одно знала точно.

Сегодня умерла та Лиора, которая годами терпела, сомневалась и просила любви у человека, не способного ее дать.

И если во мне действительно просыпалась сила, которой он меня лишил, то вместе с ней просыпалась и другая женщина.

Та, что больше не станет молчать.

Глава 3. Удобная жена

Ночь была слишком длинной.

Я не спала ни минуты.

Иногда мне казалось, что за дверью снова стоят. Иногда — что слышу шаги в коридоре, шорох ткани, приглушенный голос Ардена, отдающего распоряжения слугам. Один раз я даже поднялась с кресла и подошла к двери, почти уверенная, что он вернулся. Но за плотным деревом была только тишина. Глухая, тяжелая, такая, от которой собственное дыхание кажется лишним.

Огонь в камине давно прогорел. В комнате стало холодно, но я не заметила, когда именно. Сидела, закутавшись в шаль, и смотрела на сереющее окно, пока ночь медленно истончалась, растворяясь в предрассветном тумане.

Мысли шли по кругу.

Его поцелуй.

Ее руки на его груди.

Слова Вивиан: *«Ты говорил, она почти без дара».*

Золотой знак на моей коже.

И его лицо.

Я снова и снова вспоминала именно его лицо в тот миг, когда печать проступила открыто. Не холодное. Не раздраженное. Не надменное. Испуганное. Почти затравленное. Будто он увидел не просто женщину, которая слишком много узнала, а рушащуюся стену, за которой прятал что-то куда серьезнее любовницы.

К рассвету боль от измены уже не исчезла, но изменилась. Она стала плотнее, тяжелее, как камень, который опускается на дно груди и там остается. Слез не было.

Мне бы очень хотелось заплакать.

Это было бы проще. Честнее. Женственнее, как сказали бы многие.

Но вместо слез во мне жила злость.

И от нее становилось страшнее, чем от слез.

Когда первый свет коснулся стекол, я поднялась, подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на себя. Лицо осунулось еще сильнее. Глаза казались темнее обычного, под ними легли серые тени. Но в этом лице появилась резкость, которой раньше не было. Как будто за одну ночь с него сошла мягкая, покорная дымка.

Я медленно подняла руку.

След печати почти исчез.

Только если приглядеться, можно было различить под кожей тонкий золотистый отзвук — будто рисунок ушел вглубь, затаился, но не пропал совсем.

Я коснулась запястья кончиками пальцев.

Тепло.

Чужое.

Живое.

— Кто ты теперь? — прошептала я своему отражению.

Ответа, конечно, не было.

Только женщина в зеркале смотрела на меня уже не с усталой обреченностью, а так, словно сама ждала: ну же, наконец-то.

В дверь постучали осторожно. Не как хозяин. Не как человек, уверенный в праве войти. Так стучат, когда за дверью может скрываться не только гнев, но и опасность.

— Леди? Это я, Мари.

Я открыла не сразу. Проверила, не осталось ли на двери моего ночного запечатания. Дерево выглядело обычным, но стоило коснуться его ладонью, я почувствовала легкий отклик — магия все еще держалась в волокнах, слабая, почти истаявшая. Значит, мне не показалось. Значит, и это было настоящим.

Я отодвинула щеколду.

Мари вошла с подносом. Горячий чай, свежий хлеб, мед, тонко нарезанные яблоки. Но ее внимание тут же метнулось ко мне — к лицу, к волосам, к почти нетронутой постели за спиной.

— Вы не ложились, — тихо сказала она.

— Нет.

— Леди...

Она замолчала, будто не зная, можно ли продолжать. Я впервые за долгое время посмотрела на нее не как на служанку, а как на человека, живущего в этом доме рядом со мной все эти годы. Невысокая, сухощавая, с усталыми глазами женщины, которая слишком давно научилась выживать среди чужих тайн.

— Что, Мари? — спросила я спокойно.

Она отвела взгляд.

— Вчера... после приема господин магистр был очень зол.

Я усмехнулась.

— Какая неожиданность.

— Он приказал, чтобы никто не тревожил вас до его распоряжения.

— То есть меня заперли?

— Нет, леди, не заперли, — поспешно сказала она, но в голосе не хватало уверенности. — Просто... всем велено ждать указаний.

Вот так.

Ни скандала.

Ни развода.

Ни хотя бы открытого конфликта.

Только аккуратное, знакомое удушение под видом заботы и порядка.

— А господин магистр дома?

— В кабинете с утра. К нему уже приходил господин Дерек из Совета, потом лекарь. И... — она снова замялась.

— И?

— Госпожа Рейнер тоже еще не уехала.

На этот раз я даже не ощутила боли. Только ледяное спо-

койствие.

— Понятно.

Мари поставила поднос на столик и, поколебавшись, все же добавила:

— Простите, леди, но вам стоит быть осторожнее. Господин магистр... когда сердится, он становится очень опасным.

Я медленно повернулась к ней.

— А раньше, по-твоему, он был безопасным?

Она побледнела.

— Я не то хотела сказать...

— Нет, именно то. Просто раньше я этого не замечала.

Мари сжала руки перед собой. Было видно, что ей хочется что-то сказать, но она боится. И этот страх вдруг показался мне важнее самих слов.

— Ты давно знаешь? — спросила я тихо.

Она вздрогнула.

— О чем, леди?

— О том, что в этом доме со мной обращаются не как с женой. А как с вещью.

Молчание затянулось.

Я слышала, как за окном кричат мокрые от дождя птицы, как в каминной трубе гуляет ветер, как где-то далеко хлопнула дверь. А Мари все стояла, не поднимая глаз.

— Говори, — сказала я.

— Я... не знаю всего, — прошептала она. — Но я вижу, что вы всегда были слишком больны для своего возраста. И слишком тихи. И что господин магистр не любит, когда вы принимаете решения сами. И что всех лекарей он выбирает лично. И что после его ритуалов вам всегда становилось хуже.

У меня перехватило дыхание.

— Ты видела ритуалы?

— Нет. Только последствия. И слышала... иногда.

— Что слышала?

— Ваш крик, леди.

Комната будто качнулась.

Я смотрела на нее, не моргая, а внутри медленно расплылся холод.

— Когда?

— Несколько раз. По ночам. Давно уже. Но потом нам говорили, что это приступы слабости. Что у вас истощение дара. Что вам становится лучше после вмешательства господина магистра.

Я закрыла глаза.

Конечно.

Всегда одна и та же история. Муж знает лучше. Муж спасает. Муж делает все ради жены.

А жена почему-то с каждым годом становится все тише,

бледнее и беспомощнее.

— Почему ты молчала? — спросила я.

Вопрос прозвучал без злости. Слишком устало для злости.

Она резко опустилась на колени.

— Простите меня, леди. Я боялась. Все боятся. Он может вышвырнуть человека на улицу одним словом. Или хуже. А я... у меня сын в Нижнем квартале. Я не могла рисковать.

Я посмотрела на нее сверху вниз и вдруг поняла, что не злюсь. Не на нее.

Страх — самый надежный слуга власти.

А Арден всегда умел делать так, чтобы вокруг него боялись не только враги.

— Встань, — сказала я.

— Леди...

— Я сказала, встань.

Она поднялась, не решаясь смотреть мне в лицо.

Я подошла к окну. Утро было мокрым, промозглым. С крыши стекали последние капли ночного дождя. Дворовые дорожки блестели, как темное стекло. В саду никого не было.

— Мне нужна одежда для выхода, — произнесла я.

Мари резко вскинула голову.

— Для выхода? Но господин магистр...

— Мне плевать, что велел господин магистр.

Сама фраза прозвучала настолько непривычно, что я на секунду ощутила странное удовольствие. Острое. Почти болезненное.

— Вы хотите покинуть дом? — тихо переспросила она.

— Нет. Пока нет. Но я выйду из этой комнаты. Спущусь вниз. И позавтракаю не как больная узница, а как хозяйка дома.

Она смотрела на меня так, словно впервые видела.

И, возможно, так и было.

Через четверть часа я уже шла по коридору в темно-зеленом платье, более простом, чем те, что обычно выбирал для меня Арден. Без бриллиантов. Без жемчуга. Только волосы убраны в низкий узел, а на шее — все тот же кулон матери.

Каждый шаг отдавался слабостью в коленях, но я не позволяла себе останавливаться.

Наверху, у лестницы, стоял один из лакеев. Увидев меня, он явно растерялся.

— Леди... господин магистр просил передать...

— Передашь ему, что я иду завтракать, — сказала я, даже не замедлив шага.

Юноша открыл рот, но так и не нашелся, что ответить.

Я спустилась в малую столовую.

Там уже был накрыт стол на одного — для меня, как обычно. Все аккуратно, красиво, холодно. Белая скатерть, серебряный прибор, свежие цветы в тонкой вазе. Вся моя жизнь

вдруг показалась похожей на этот стол: безупречная сервировка для человека, которого давно перестали считать живым.

Я села.

Налила себе чай сама.

Взяла тост.

И почти сразу услышала шаги.

Конечно.

Он не заставил себя ждать.

Арден вошел без спешки, одетый безукоризненно, будто вчера не было ни скандала, ни печати, ни вспышки моей силы. Черный камзол, белая рубашка, серебряные запонки. Волосы гладко зачесаны назад. Лицо спокойно до пугающего.

Так выглядел человек, который решил не признавать катастрофу, пока ее можно задавить авторитетом.

Он остановился у стола и посмотрел на меня сверху вниз.

— Я велел оставить тебя в покое.

Я отпила чай.

— Как мило. Обычно так говорят о больных собаках.

Мышца на его скуле едва заметно дернулась.

— Поговорим без истерики, Лиора.

— Без измены у тебя, к сожалению, не получилось. Попробуем хотя бы без лжи?

Он сел напротив.

Это движение было почти мирным, если не знать его. Если не видеть, как напряжены пальцы, как холодно блестят глаза, как слишком ровно ложится голос.

— Ты ведешь себя неразумно, — сказал он. — Вчерашняя сцена ничего не меняет, кроме того, что ты выставила себя слабой и неуправляемой.

Я медленно поставила чашку на блюдец.

— Слабой? После того, как ты увидел мою магию?

— О единичном всплеске силы не стоит делать далеко идущие выводы.

— Зато о любовнице в соседней комнате, видимо, стоит делать очень короткие.

Он не ответил на укол. Конечно. Когда Ардену было невыгодно слышать что-то, он просто оставлял это за скобками разговора, будто собеседник сказал нечто недостойное внимания.

— Вопрос в другом, — продолжил он. — Ты должна понять, в каком положении находишься.

— Я прекрасно его понимаю. Я жена мужчины, который мне изменяет и, возможно, годами использует мою магию.

Он посмотрел на меня долго. Слишком долго.

— Осторожнее с обвинениями.

— Это угроза?

— Это совет.

— Я больше не нуждаюсь в твоих советах.

Над столом повисла тишина.

Я видела, как он прищурился, оценивая. Просчитывая. Как будто мысленно выбирал, какой из привычных инструментов сработает лучше: холод, давление, снисходительность, жалость.

В конце концов он выбрал презрение.

— Ты всегда была слишком впечатлительной, Лиора. Я терпел это, потому что понимал: твоя природа мягче, чем у других. Тебе трудно справляться с реальностью. Ты привязываешься к фантазиям, драматизируешь, болезненно цепляешься за то, что давно потеряло смысл.

Это было сказано ровно, почти устало.

Так врачи говорят о беспокойном пациенте.

Так мужчины веками объясняют женщинам, что их боль — это всего лишь слабые нервы.

И вдруг я поняла.

Вот она. Главная ложь. Не про любовь. Не про ритуалы. Не про Вивиан.

Про меня.

Он много лет убеждал меня, что я слишком чувствительная, слишком хрупкая, слишком нестабильная, слишком слабая для правды. Именно так ломают не криком, а методично, день за днем, пока человек сам не начинает смотреть на себя чужими глазами.

— Ты сделал это специально, — сказала я тихо.

Он не сразу понял.

— Что именно?

— Все. Не только магию. Меня. Ты годами внушал мне, что я ничтожна без тебя. Что я больна. Что моя память ненадежна. Что мои чувства преувеличены. Что мне нельзя доверять даже самой себе.

На этот раз он улыбнулся.

И от этой улыбки меня пробрал озноб.

— А разве это не так?

Слова ударили резко. Но уже не так, как раньше.

Раньше после них я бы сомкнулась, как раковина, и начала мысленно перечислять все свои недостатки, только бы доказать себе, что он не совсем прав.

Сейчас — нет.

Сейчас я смотрела на него и видела не истину. Инструмент.

Он хотел вернуть меня в привычную клетку. Только клетка уже треснула.

— Нет, — ответила я. — Это просто удобно тебе.

Что-то изменилось в его лице. Едва заметно. Тень раздражения стала острее.

— Ты думаешь, стала сильнее после одной случайной вспышки?

— Я думаю, что больше не позволю тебе решать, кто я.

Он наклонился вперед.

— А я думаю, ты не представляешь, во что лезешь.

— Тогда просвети меня.

— Некоторые вещи существуют не для таких, как ты.

Я рассмеялась. Сухо, коротко.

— Для таких, как я? Это для каких? Для женщин? Для жен? Для тех, чью силу удобно пить по ночам, а потом называть их истеричками за завтраком?

Его взгляд заледенел.

— Ты начинаешь говорить опасные глупости.

— Опасные — для тебя?

Он резко откинулся на спинку стула.

— Ты не выйдешь сегодня из дома.

— Вот как.

— И до тех пор, пока не научишься держать язык за зубами, будешь вести себя так, как я сочту нужным.

Я молчала.

Просто смотрела на него.

Он, кажется, воспринял это как колебание и продолжил мягче, почти снисходительно:

— Лиора, не вынуждай меня ужесточать меры. Ты устала. Твоя нервная система расшатана. Тебе нужен покой. Через несколько дней мы обсудим все спокойно, когда ты придешь в себя. А пока лучше не делать ошибок.

Через несколько дней.

Когда он успеет замести следы? Убрать любовницу? Подготовить новую ложь? Привести еще одного лекаря, который скажет, что у меня помутнение разума?

Я наклонила голову набок.

— Значит, вот что ты решил. Снова сделать меня удобной.

— Я решил уберечь тебя от последствий собственной ис-

терии.

— Нет, Арден. Ты решил защитить себя.

Его терпение треснуло.

Не полностью — он был слишком дисциплинирован для вспышек. Но я увидела, как внутри него сжалось нечто жесткое, злое, почти звериное.

— Послушай меня внимательно, — сказал он тихо. — Все, что у тебя есть, дано тебе мной. Этот дом. Это имя. Эта защита. Даже твое нынешнее положение в свете держится только потому, что я позволяю ему держаться. Без меня ты никто.

Три года назад после этих слов я бы потеряла голос.

Сейчас я почувствовала лишь странную, холодную ясность.

— Тогда почему ты так боишься меня, если я никто?

Он замер.

Всего на секунду.

Но мне хватило.

Вот оно.

Попадание.

Я увидела, как в его глазах вспыхнула та же тревога, что вчера. Значит, дело не в обиде мужа. Не в уязвленном самолюбии. Не только.

Я действительно стала опасна для него.

— Не переоценивай себя, — произнес он наконец.

— А ты, похоже, уже начал.

Мы смотрели друг на друга в упор. Между нами стоял стол, чай, серебро, цветы в вазе — и целая жизнь, которая вдруг больше не могла делать вид, что она нормальная.

Арден поднялся первым.

— Сегодня после обеда к тебе зайдет доктор.

— Нет.

— Это не обсуждается.

— Еще как обсуждается. Я не стану его принимать.

— Станешь.

— Попробуй заставить.

Он сделал шаг ко мне.

Я тоже встала.

Слабость в теле никуда не делась, но внутри поднялось нечто острое и горячее, как натянутая струна. Я сама не понимала, как это работает, но уже знала: если он сейчас коснется меня, если снова попытается подавить, унижить, сломать — магия ответит.

Он это почувствовал.

Я увидела, как взгляд его скользнул к моим рукам.

И как он остановился.

— Ты нарываешься, — сказал он вполголоса.

— А ты привык, что я проглатываю.

— Это была твоя лучшая черта.

Я улыбнулась.

Не мягко. Не грустно. Почти хищно.

— Ошибся. Это была моя болезнь.

Он отвернулся первым.

И в эту секунду я поняла: я выиграла. Не все. Даже не половину. Но что-то очень важное.

Я заставила его отступить.

Пусть на шаг.

Пусть только здесь, за столом.

Но отступить.

Арден направился к двери, потом остановился, не оборачиваясь.

— Сегодня вечером будет семейный ужин у леди Фарн. Ты поедешь со мной.

Я не сразу ответила.

Леди Фарн — сестра покойной матери Ардена. Женщина, обожающая порядок, приличия и слухи, поданные в фарфоровых чашках с идеальной улыбкой. Семейный ужин у нее означал одно: он хочет проверить, насколько крепко еще держится его фасад.

И хочет выставить меня рядом, как доказательство, что все под контролем.

— Нет, — сказала я.

Он медленно повернул голову.

— Это не просьба.

— Тем более нет.

— Ты моя жена.

— Пока еще, — ответила я.

На этот раз он обернулся полностью.

Лицо его стало совсем холодным.

— Не произноси слов, смысла которых не понимаешь.

— Я начинаю понимать их слишком хорошо.

Он стоял неподвижно еще несколько долгих секунд, потом вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Ни хлопка.

Ни крика.

Ни угрозы напоследок.

И почему-то именно это было страшнее всего.

Я осталась одна посреди столовой, глядя на наполовину остывший чай. Сердце билось быстро, но уже не так болезненно. Скорее, как после долгого бега.

Только сейчас я заметила, что руки почти не дрожат.

Я опустила обратно на стул и медленно выдохнула.

Удобная жена.

Вот кем я была для него все эти годы.

Не любимой.

Не равной.

Не желанной.

Удобной.

Такой, которую можно было посадить в красивый дом, обвить заботой, отучить думать, внушить зависимость, а потом пользоваться ею как ресурсом и декорацией одновременно.

Я посмотрела на скатерть перед собой и вдруг увидела, как под краем рукава на столешницу упала мелкая золотая искра.

Потом еще одна.

Я резко подняла руку.

Между пальцами мерцал крохотный свет.

Настоящий.

Послушный.

Мой.

Я застыла, боясь спугнуть это чудо даже дыханием.

Еще вчера мне бы не удалось вызвать и слабого огонька без головокружения и тошноты. А сейчас магия отзывалась сама. Тихо, осторожно, как зверь, который слишком долго сидел в клетке и теперь не верит, что дверца действительно открыта.

— Значит, ты жива, — прошептала я.

Искра дрогнула, словно в ответ.

Я сжала пальцы, и свет медленно погас.

Это был не просто всплеск ярости вчерашней ночи.

Что-то менялось.

Во мне. В контуре. В той невидимой системе, через которую Арден, вероятно, столько лет держал меня в подчинении.

Если связь ослабла, он попытается ее вернуть.

Если печать дала трещину, он постарается скрыть следы.

Если я стала для него угрозой, он не остановится на разговорах.

Эта мысль отрезвила.

Мне нужны были доказательства.

Не догадки. Не воспоминания. Не страх в его глазах.

Что-то, с чем нельзя спорить.

Я поднялась и вышла из столовой уже совсем с другим выражением лица. Я чувствовала это почти физически — слуги, попадавшие мне в коридорах, смотрели иначе. Осторожнее. Внимательнее. В доме уже знали, что ночью случилось что-то важное, хотя, вероятно, не знали что именно.

Слухи всегда бегут быстрее правды.

Поднимаясь на второй этаж, я вдруг вспомнила слова Эдрика о малом кабинете. Документы. Шум за дверью. Темная комната. Плащ Вивиан. И тот сладковатый запах, от которого меня чуть не вывернуло.

А если там осталось что-то еще?

Не просто след измены.

След ритуала.

Эта мысль ударила резко и ясно.

Я остановилась на площадке лестницы, прислушалась. В коридоре было тихо. Наверху — тоже. Арден наверняка в главном кабинете. Любовница, если он не дурак, уже давно убрана с глаз.

Значит, сейчас.

Именно сейчас.

Я свернула к верхней галерее.

Каждый шаг отдавался в висках. От волнения, от страха,

от почти болезненного предчувствия. Дверь малого кабинета была закрыта, но не заперта — как и вчера.

Я вошла.

Комната встретила меня слабым запахом пепла, вина и мужских духов. Шторы наполовину задернуты. На столике не хватало одного бокала. Диван уже привели в порядок. На первый взгляд — ничего особенного. Просто кабинет, где хозяин дома мог вести личные разговоры.

Но я уже знала: самое опасное всегда выглядит обыденно.

Я подошла к окну.

Потом к столику.

Потом к камину.

И почти сразу почувствовала это — легкую вибрацию под кожей, как когда стоишь слишком близко к работающему артефакту. Магия.

Слабый остаточный след.

Я опустилась на колени перед каминной решеткой и про-

вела ладонью по каменному полу.

Тепло.

Не от огня.

От чего-то другого.

Сердце забилося быстрее.

Я закрыла глаза и позволила себе прислушаться. Не головой — тем новым, неустойчивым чувством, которое появилось после пробуждения силы. Внутренним слухом, если у магии вообще может быть слух.

Под пальцами будто дрогнула тонкая сеть.

Контур.

Чужой.

Скрытый.

Я резко открыла глаза и посмотрела внимательнее.

На темном камне, почти неразличимые при обычном све-

те, тянулись тонкие линии. Настолько тонкие, что их можно было принять за рисунок мрамора. Но теперь я видела: это символы. Едва втертые, едва замаскированные. Фрагмент круга. Узел. Отводящий канал.

Такой же, как на моей коже.

У меня пересохло во рту.

— Нет... — прошептала я.

Но да.

Да.

Он проводил здесь ритуалы.

И если этот контур связан с печатью на мне...

Я поднялась слишком быстро, голова закружилась, но я удержалась за край камина. Нужно было больше света. Или бумага, чтобы срисовать. Или...

Позади скрипнула половица.

Я обернулась мгновенно.

В дверях стояла Вивиан Рейнер.

На ней уже не было вечернего платья. Только дорожный темно-серый костюм и плащ, наброшенный на плечи. Волосы убраны, лицо бледнее обычного. Но взгляд — все такой же внимательный и холодный.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Потом она медленно прикрыла дверь за собой.

— Вам не стоит здесь находиться, леди Вальтер, — сказала она.

Я выпрямилась.

— А вам, как я вижу, очень даже стоит.

Уголок ее губ дернулся.

— Вы ничего не понимаете.

— Эту фразу я сегодня уже слышала. Становится скучно.

Она сделала шаг вперед.

— Уходите отсюда. Немедленно.

Не просьба.

Почти приказ.

И именно это вдруг подтвердило мне больше, чем любые линии на полу.

Если бы здесь не было ничего важного, она бы не пришла.

— Бойтесь, что я найду что-то лишнее? — спросила я.

Ее взгляд скользнул к камину, потом обратно ко мне.

— Вы и так уже нашли слишком много.

Я замерла.

Вот оно.

Признание.

Пусть не полное. Пусть не прямое. Но достаточное.

— Значит, вы знали, — тихо сказала я. — Про печать. Про мою силу. Про то, что он со мной делает.

Вивиан долго молчала.

Потом произнесла с неожиданной усталостью:

— Вы не представляете, в какой игре оказались.

— А вы, похоже, представляете прекрасно. Потому и легли под него?

Ее лицо вспыхнуло ледяной злостью.

— Следите за словами.

— Почему? Вас они вдруг ранят?

Она подошла ближе. Теперь нас разделяло всего несколько шагов.

— Послушайте меня внимательно, Лиора. Вам кажется, что это история про измену. Про брак. Про ревность. Но вы ошибаетесь. Все гораздо серьезнее. И если вы не остановитесь, вас просто уничтожат.

Я почувствовала, как внутри снова вспыхивает тот золотой жар.

— Кто? Он?

Вивиан смотрела на меня почти с сожалением.

— Не только он.

У меня по спине пробежал холод.

За этим действительно стояло что-то большее.

И, кажется, она знала.

Но не успела сказать ни слова больше.

Потому что за дверью слышались тяжелые шаги.

Мужские.

Уверенные.

И мы обе одновременно поняли, кто идет.

Глава 4. Следы чужого ритуала

Шаги приближались медленно.

Не торопясь.

Так идет человек, который уверен: за дверью его территория, его правила, его право войти в любую секунду и застать там кого угодно. Я смотрела на Вивиан, а она — на меня, и впервые с момента нашего знакомства между нами не было ни светской вежливости, ни тщательно замаскированной вражды. Только чистое, холодное понимание: сейчас нас достигнут вместе в комнате, где скрыто нечто, чего не должен видеть никто посторонний.

— Уходите к окну, — быстро сказала Вивиан.

Я даже не пошевелилась.

— Что?

— Если он увидит, что вы стояли у камина, все поймет.

— Он и так все поймет.

— Вы еще не научились лгать ему достаточно хорошо.

В ее голосе было раздражение, но под ним слышалось кое-что еще — опыт. Слишком личный, слишком точный для случайного совета.

Я не успела ответить.

Дверь открылась.

Арден вошел в комнату и остановился на пороге.

Его взгляд сначала скользнул по Вивиан. Потом по мне. Потом очень ненадолго — по камину. Почти незаметно. Но я уже знала, куда смотреть. И потому увидела все.

Он понял.

Сразу.

Понял, что я пришла сюда не по ошибке. Понял, что Вивиан застала меня не в середине светской беседы. Понял, что воздух в комнате напряжен сильнее обычного.

И при этом его лицо осталось безупречно спокойным.

— Любопытная сцена, — произнес он ровно. — Я уже начинаю думать, что вы обе слишком увлечены моими кабинетами.

Я сложила руки на груди.

— В отличие от некоторых, я пока еще не имею привычки увлекаться чужими мужьями.

Вивиан резко вдохнула, но промолчала. Арден же перевел на меня взгляд, в котором медленно, почти лениво разгоралось раздражение.

— Ты все еще не научилась останавливаться вовремя.

— А ты — скрывать следы.

Тишина.

Она длилась недолго, но мне хватило, чтобы услышать собственное сердце. Сильное, глухое, не испуганное — настороженное. Магия внутри меня тоже оживилась, отзываясь на его присутствие. Теперь я чувствовала это яснее: рядом с ним по телу проходила едва заметная дрожь, словно невидимые нити пытались снова зацепиться за меня.

Арден медленно прикрыл дверь.

— Вивиан, оставь нас.

Она посмотрела на него, потом на меня. На миг в ее лице мелькнуло колебание.

— Арден...

— Я сказал, оставь нас.

Тон был мягким. Почти тихим.

Но именно такими тонами и ломают людей, привыкших подчиняться.

Вивиан поджала губы. В ее глазах мелькнула злость — не театральная, настоящая. Однако спорить она не стала. Обошла меня, задев подол моего платья краем своего плаща, и вышла.

Перед тем как дверь закрылась, я успела увидеть, что ее пальцы дрожат.

Интересно.

Любовницы, уверенные в своем месте, не дрожат.

Когда мы остались вдвоем, Арден отошел от двери и медленно направился к столу. Не ко мне. Не к камину. К столу. Будто хотел показать: он здесь хозяин, а значит, выбирает сам, как будет построен разговор.

— Сядь, — сказал он.

— Нет.

Он поставил ладонь на край столешницы.

— Не испытывай мое терпение.

— Твое терпение? — переспросила я. — После вчерашнего ты все еще считаешь, что вправе говорить со мной как с непослушной девочкой?

Он поднял на меня глаза.

— После вчерашнего я считаю, что ты в опасном состоянии.

— Прекрати.

— Что именно?

— Делать из меня безумную.

На этот раз он промолчал. И молчание это было интереснее слов. Не потому, что он растерялся. Арден не из тех, кто легко теряется. Но он перестал отрицать напрямую. Значит, почувствовал: прежняя тактика больше не работает так безотказно.

Я сделала шаг к камину.

Он заметил мгновенно.

— Не подходи туда.

Вот оно.

Я остановилась и медленно улыбнулась.

— Значит, там действительно есть на что посмотреть.

Его лицо застыло.

— Ты не понимаешь, с чем играешь.

— Зато я отлично вижу, чего ты боишься.

Он резко оттолкнулся от стола и подошел ближе. Не вплотную — Арден всегда умел дозировать давление. Ровно настолько, чтобы собеседник чувствовал угрозу, но не мог пожаловаться на прямое насилие.

— Послушай меня внимательно, Лиора, — произнес он. — Ты переходишь черту, за которой уже не будет возможности сделать вид, что ничего не произошло.

— А ты бы очень хотел именно этого, да? Чтобы я снова сделала вид, что не вижу твою любовницу, не замечая печати на собственной коже и не задаюсь вопросом, почему в твоём кабинете спрятан ритуальный контур?

В его глазах на секунду полыхнуло нечто темное.

— Откуда ты вообще знаешь, как выглядят такие контуры?

— Представь себе, когда-то я умела не только пить твои настойки и улыбаться гостям.

Это ударило точнее, чем я ожидала. Он едва заметно сжал челюсти.

Когда-то.

Да. Когда-то у меня была память, книги, интерес, учеба, право думать. Все это не исчезло за один день. Это вымывали из меня медленно. Настолько медленно, что я сама не заметила, как стала пустой оболочкой собственной юности.

Я посмотрела на камин, на едва различимые линии на полу.

— Что это? — спросила я.

— Ничего, что касается тебя.

— Ошибаешься. Если на мне стоит такая же печать, это касается меня в первую очередь.

Он очень спокойно ответил:

— На тебе нет печати.

Я засмеялась.

Не от веселья.

От почти оскорбительной наглости.

— Ты правда думаешь, что после того, как я увидела знак на собственном запястье, этот ответ еще сработает?

— Ты видела магический отклик. Нестабильный. После выброса силы возможны искажения восприятия.

— Еще скажи, что мне привиделось.

— В твоём состоянии это не исключено.

Больным, уставшим, ослабленным людям трудно злиться по-настоящему. Раньше после таких слов я бы почувствовала себя облитой холодной водой. Села бы, сжалась, начала бы искать в себе признаки той самой нестабильности, о которой он говорит.

Сейчас я смотрела на него и понимала: он повторяет одну и ту же конструкцию, потому что ею успешно пользовался много лет.

Но конструкция треснула.

— Нет, Арден, — тихо сказала я. — Больше не получится.

Он замолчал.

И тут я поняла, что лучший способ вывести его из равновесия — не спорить, а говорить как можно спокойнее. Не оправдываться. Не срываться. Не защищаться. Потому что именно этого он от меня и ждет — слез, крика, женской эмоциональности, которую можно назвать истерикой.

Я не дам ему этого.

— Ты крал мою силу? — спросила я.

Вопрос прозвучал прямо. Без надрыва. Как удар ножом под ребро.

Арден впервые за весь разговор отвел взгляд. Совсем ненадолго — к окну, к полке, к чему угодно, только не на меня.

Этого хватило.

— Значит, да, — сказала я.

— Ты не понимаешь механизмов магической связи между супругами.

— Объясни.

— Это не кража.

Я почувствовала, как внутри все обрывается и одновременно становится кристально ясным.

Не кража.

То есть было что-то.

Было.

Он не отрицал сам факт.

— Тогда что это? — спросила я.

— Перераспределение потоков. Для стабилизации контура пары.

— Стабилизации? — я шагнула к нему. — Это так называется, когда жена едва стоит на ногах, а муж становится с каждым годом сильнее?

— Ты получила защиту.

— Я получила истощение.

— Ты получила мое имя.

— Я отдала тебе жизнь.

Голос все-таки дрогнул. На одно слово. На один короткий выдох. Потому что это была правда, слишком голая, чтобы ее можно было произнести ровно.

Арден смотрел на меня пристально, словно пытался понять, где во мне заканчивается злость и начинается опасность.

— Ты драматизируешь, — сказал он наконец. — То, что было между нами, позволило тебе выжить.

— Выжить? От чего?

Молчание.

Снова.

И в этом молчании было не только упрямство. Было что-то еще. Что-то похожее на решение: он выбирал, сколько правды мне можно дать, чтобы удержать контроль.

— Твой дар нестабилен, — сказал он. — Всегда был. Без внешнего сдерживания он мог бы уничтожить тебя еще в юности.

— Какая трогательная забота.

— Я говорю серьезно.

— А я нет? Ты ждал, что я поблагодарю тебя за то, что ты ослабил меня до полуживого состояния?

Он резко подошел ближе, и я инстинктивно напряглась.

— Я сделал то, что было необходимо.

— Для кого?

— Для нас обоих.

— Лжешь.

Слово повисло в воздухе тяжелым, почти материальным телом.

Арден смотрел мне в лицо так долго, что, казалось, пы-

тался продать одним взглядом.

— Ты слишком мало знаешь, чтобы судить.

— Тогда дай мне знать больше.

— Нет.

— Потому что правда тебя уничтожит?

— Потому что правда уничтожит тебя.

На секунду мне стало холодно. Настолько резко, что даже пальцы заledenели.

Не от его слов.

От того, как он их сказал.

Без привычной насмешки. Без раздражения. Очень тихо. Почти искренне.

И именно поэтому я не поверила ему до конца.

В таких мужчинах правда всегда смешана с удобной дозой страха. Ровно настолько, чтобы жертва сама отступила.

— Уже поздно, — ответила я. — Я начала вспоминать.

На этот раз он заметно насторожился.

— Что именно?

Вот теперь попался.

Я не вспоминала ничего определенного. Только обрывки ощущений, ночные провалы, боль после его «лечебных» ритуалов, собственный крик, о котором сегодня сказала Мари. Но по тому, как резко заострилось его лицо, я поняла: там действительно есть что вспоминать.

— Достаточно, — сказала я.

— Лиора.

— Ты приходил ко мне по ночам. Проводил свои ритуалы. После них мне становилось хуже. И ты годами убеждал меня, что это лечение. Так?

— Это были стабилизирующие практики.

— На мне без моего согласия?

— Ты была моей женой.

Я замерла.

Он сказал это автоматически. Наверное, даже не заметил, насколько чудовищно это прозвучало.

А я заметила.

О, я заметила каждую букву.

— Понятно, — произнесла я очень тихо.

Он, кажется, понял, что сказал лишнее, и тут же добавил:

— Мы были связаны брачным контуром. Это меняет некоторые вещи.

— Для тебя — возможно. Для меня — нет.

Мне вдруг стало трудно находиться с ним в одной комнате. Не от страха. От омерзения. Даже воздух рядом казался липким.

Я отвернулась и шагнула к камину.

— Не смей, — резко бросил он.

Но я уже опустилась на колени и провела ладонью над камнем.

На этот раз магия отозвалась сильнее.

Тонкие линии вспыхнули золотисто-серым светом, словно кто-то провел по ним углем и солнечной пылью одновременно. Контур ожил под моей рукой — фрагмент сложной схемы, вплетенной в основание камина, уходящей дальше, в стену, вниз, в пол.

Я ахнула.

Это было не просто локальное заклинание.

Система.

Часть большей системы.

Арден схватил меня за плечо и резко поднял на ноги.

— Я предупреждал.

Прикосновение обожгло. Не кожей — глубже. Магия внутри меня вспыхнула мгновенно, как сухой порошок от искры. Между нами ударило золотым светом, и его руку отбросило.

Он выругался сквозь зубы.

Я отшатнулась, тяжело дыша. Ладони горели, по венам шел жар. Но вместе с жаром пришло новое ощущение — я почти видела магические нити. Не глазами. Чем-то иным. Пространство вокруг Ардена было опутано ими: тонкими, темными, уходящими в стены дома, вниз, вверх, вглубь.

Одна из нитей тянулась ко мне.

Почти прозрачная. Въевшаяся. Древняя.

— Вот она, — выдохнула я.

Арден замер.

— Что?

Я смотрела уже не на него, а сквозь него. На контур. На связь. На ту мерзкую паутину, что столько лет забирала у меня жизнь.

— Связь, — прошептала я. — Я ее вижу.

Он побледнел.

Совсем чуть-чуть.

Но этого было достаточно, чтобы мои колени едва не подкосились не от слабости — от чудовищного восторга и ужаса одновременно.

Это правда.

Все правда.

— Лиора, — сказал он очень осторожно, будто обращался к дикому зверю, — успокойся.

— Нет.

— Ты не понимаешь, что может случиться, если начнешь дергать контур вслепую.

— А что случится? Ты ослабнешь?

— Ты умрешь.

Вот теперь в комнате стало по-настоящему тихо.

Снаружи где-то хлопнула ставня. Внизу, далеко, прозвучал бокал. Дом жил своей жизнью. А между нами стояло это слово.

Умрешь.

Я смотрела на него и не могла понять, сколько в этом лжи, сколько правды, а сколько просто попытки меня остановить.

— Удобно, — сказала я. — Очень удобно угрожать смертью женщине, у которой ты, возможно, эту смерть и вызывал все последние годы.

— Это не угроза.

— Тогда что?

— Предупреждение.

— От тебя мне не нужны предупреждения.

Я все еще видела нить.

Тонкую. Почти невидимую. Она уходила от моей груди куда-то к его солнечному сплетению, а от него — дальше, в стены дома, в камин, в скрытые руны. Это было похоже на паразита, пустившего корни в старом дереве.

И вдруг я поняла: этот контур не просто забирал силу. Он был завязан на дом.

На дом, в котором мы жили.

На дом, где он мог проводить ритуалы снова и снова, подпитывая систему самой архитектурой, защитой, старыми камнями рода.

Меня затошнило.

— Что ты сделал с этим домом? — спросила я.

Арден молчал.

— Отвечай.

— Ты не в том положении, чтобы требовать.

— А ты не в том, чтобы молчать.

Он смотрел на меня так, как никогда раньше. Не как на жену. Не как на удобное приложение к своему статусу. Даже не как на истеричку, которую нужно успокоить.

Как на проблему.

Серьезную.

Живую.

Опасную.

И это было почти наслаждением.

— Хорошо, — произнес он наконец. — Ты хочешь правды? Часть дома действительно включена в стабилизирующий контур.

— Стабилизирующий для кого?

— Для тебя.

— Снова врешь.

— Для нас обоих, — жестко сказал он. — Твоя сила никогда не была обычной, Лиора. Она слишком нестабильна,

слишком древняя, слишком плохо поддающаяся прямому контролю. Когда мы заключили брак, у меня появился шанс удержать ее в безопасных рамках.

— Безопасных? Для кого? Для Совета? Для твоей карьеры? Для твоего самолюбия?

— Для города.

Этого я не ожидала.

Слово прозвучало почти нелепо. Настолько крупно, что на миг захотелось отмахнуться. Но что-то в его лице не дало. В нем было раздражение, был страх, было желание меня подавить — но при этом мелькнуло и нечто иное. Давняя убежденность. Почти фанатичная.

— Не смотри на меня так, — сказал он. — Ты не знаешь, кем была твоя мать. Не знаешь, что течет в твоей крови. Не знаешь, почему после ее смерти некоторые люди очень хотели, чтобы ты никогда не вошла в полную силу.

— Какие люди?

— Те, чьих имен тебе лучше не слышать.

— А ты, конечно, героически спас меня, привязав к себе как батарею?

— Я сделал то, что не дал сделать кто-то гораздо хуже.

Я горько усмехнулась.

— И поэтому имею счастье наблюдать твою любовницу в нашей спальне? Удивительный образ спасителя.

На этот раз он сорвался почти visibly:

— Не своди все к одной измене!

Голос ударил по комнате резче обычного.

Я замолчала.

Не от испуга.

От внезапной ясности.

Вот оно.

Для него измена действительно мелочь на фоне остального. Неприятная деталь, но не суть. А значит, там под этой

деталью лежит такая грязь, по сравнению с которой любовница — всего лишь бытовое унижение.

— Значит, дело действительно гораздо хуже, — произнесла я.

Он медленно взял себя в руки.

Слишком поздно.

Я уже увидела достаточно.

— Если ты сейчас же не отойдешь от камина и не перестанешь вмешиваться в контур, мне придется принять меры, — сказал он.

— Какие еще меры? Закроешь меня? Опоишь своими настоями? Позовешь лекаря, который подтвердит, что у меня помутнение? Или снова проведешь один из ночных ритуалов, после которых я забываю куски собственной жизни?

Лицо Ардена стало совершенно непроницаемым.

Самая опасная стадия.

Когда мужчина перестает изображать мирного и начинает

думать, как именно тебя сломать.

— Ты устала, — сказал он. — И ты сейчас же вернешься в свои комнаты.

— Нет.

— Это был не вопрос.

— А я больше не отвечаю на приказы.

Я развернулась, собираясь выйти. Мне нужно было уйти с этим знанием, пока он не придумал, как перекрыть мне воздух. Пока я еще могла думать. Пока не оказалась в ловушке под очередной дозой его «заботы».

Но у самой двери он произнес:

— Вечером ты останешься без прислуги.

Я остановилась.

Очень медленно.

— Что?

— Мари и две младшие служанки будут переведены в западное крыло. Эдрика я отошлю. Тех, кто слишком долго слушал и смотрел не туда, лучше убрать подальше.

По спине пробежал ледяной холод.

Вот и оно.

Не может достать меня — начнет давить на тех, кто рядом.

Я повернулась.

— Не смей.

— Тогда научись слушаться.

— Ты шантажируешь меня прислугой?

— Я напоминаю тебе, что любое неповиновение имеет цену.

На секунду во мне вскипела такая ярость, что перед глазами потемнело. И вместе с этой яростью магия рванулась наружу — уже не искрой, не случайным всплеском, а полноценной волной. Воздух в комнате задрожал, камин взревел, шторы взметнулись, хотя окна были закрыты.

Арден тут же выставил щит.

Поздно.

Золотой свет ударил в пол, и скрытый контур под камнем вспыхнул весь целиком.

Вся комната озарилась сложной сетью знаков.

Круги.

Узлы.

Каналы.

Печати.

И в центре, там, где сходились линии, я увидела символ, от которого у меня перехватило дыхание.

Не просто отвод силы.

Привязка носителя.

Словно в ритуале я была не супругой, не участницей, а

объектом.

Сосудом.

— Ты ублюдок, — прошептала я.

Арден стоял по другую сторону вспыхнувшего круга и смотрел уже без всякой маски.

Теперь в его лице не было ни мужа, ни благородного магистра.

Только человек, которого разоблачили.

— Я удерживал тебя в живых, — сказал он.

— Ты удерживал меня под собой.

— Ты ничего не знаешь.

— Зато вижу достаточно!

Я не думала.

Просто потянулась к той нити, что связывала меня с контуром.

Пальцами, волей, чем угодно — я сама не понимала.

Арден побледнел по-настоящему.

— Не трогай!

Слишком поздно.

Стоило мне мысленно ухватить связь, как по телу прошел чудовищный разряд. Боль ударила от груди к позвоночнику, колени подкосились, но вместе с болью я почувствовала и другое — поток. Огромный. Перекошенный. Будто годами из меня тонкой струей вытягивали реку, а теперь я впервые коснулась ее русла.

Я вскрикнула.

Мир качнулся.

Где-то далеко закричал Арден.

А потом все разом погасло.

Не полностью.

Просто свет в комнате стал обычным, а я обнаружила себя на полу, тяжело дышащей, с горящими ладонями и вкусом крови во рту.

Арден стоял на коленях в нескольких шагах от меня. Одной рукой держался за край стола, другой — за грудь. Его лицо было белым как мел.

Я уставилась на него.

И вдруг поняла.

Ему тоже больно.

Я задела не только себя.

Я ударила по нему.

— Вот как, — прошептала я, с трудом садясь. — Значит, ты действительно сидишь на моей силе.

Он поднял на меня взгляд, полный такой злости, что будь я прежней, умерла бы от одного этого взгляда.

— Дура, — хрипло сказал он. — Ты могла сорвать весь контур.

— Жаль, что не сорвала.

— Если бы ты это сделала здесь и сейчас, половина дома легла бы руинами.

Я замерла.

Это могло быть ложью.

Могло. Но я только что сама почувствовала, насколько глубоко система вплетена в стены. И если это правда...

— Тогда я найду другой способ, — сказала я.

Я поднялась, пошатнувшись, но удержалась.

На этот раз он не пытался меня остановить. Либо не мог, либо понял, что момент упущен.

У самой двери я обернулась.

— Ты переведешь хоть одного человека из моего крыла — и я расскажу всему Совету, что увидела здесь.

— У тебя нет доказательств.

— Уже есть.

Я посмотрела на пол, где линии контура еще едва тлели остаточным светом.

Потом — на него.

— И, кажется, скоро будет еще больше.

Я вышла, пока он не успел ответить.

Коридор встретил меня прохладой и тишиной. Ноги дрожали. Все тело ломило. Но внутри, под болью, под страхом, под тошнотворным осознанием масштаба происходящего жила новая уверенность.

Я не сошла с ума.

Меня не подвела женская ревность.

Меня не разыграло больное воображение.

Контур был real. Связь была real. И Арден зависел от моей силы куда сильнее, чем хотел показать.

Я дошла до своей комнаты почти на одной ярости.

Только закрыв дверь, позволила себе съехать по ней спиной на пол.

Грудь жгло.

Ладони тряслись.

В висках стучало.

Но мысль была ясной, как удар колокола:

мне нужен кто-то, кто разбирается в таких контурах лучше него.

Не его лекари.

Не его люди.

Кто-то со стороны.

Кто-то, кому он не сможет приказать молчать.

Я подняла голову и вдруг вспомнила старое имя.

Настолько старое, что оно почти стерлось из памяти за годы брака.

Мастер Элиас Морвей.

Архивариус.

Ритуалист.

Друг моего отца.

Человек, которого Арден однажды назвал опасным шарлатаном и запретил мне даже упоминать его в доме.

Я медленно улыбнулась.

Запретил.

Ну конечно.

Значит, именно с него и стоит начать.

Глава 5. Правда, которую нельзя простить

Имя Элиаса Морвея не просто всплыло в памяти.

Оно поднялось из такой глубины, будто кто-то осторожно вынул из-под слоя пыли старую, но все еще острую вещь. Я сидела на полу у двери, чувствуя, как ломит руки после столкновения с контуром, и вспоминала.

Высокий сухой мужчина с длинными пальцами, пахнувшими чернилами и пылью древних книг. Седые волосы, всегда собранные в низкий хвост. Усталые, но внимательные глаза человека, который видел слишком много человеческой глупости, чтобы впечатляться чужой властью. Когда-то он часто бывал в доме моего отца. Приносил редкие трактаты, спорил о старых школах магии, рассказывал мне о ритуальных системах так, будто разговаривал не с девочкой, а с почти равной ученицей.

Я обожала его лекции.

Отец смеялся и говорил, что если бы я родилась мужчиной, давно уже сидела бы в Академии над древними фоли-

антами, забыв о еде и сне.

Элиас тогда всегда отвечал одно и то же:

— Для хорошего ума пол не имеет значения. Имеет значение только то, кто рядом пытается этот ум сделать удобным.

В юности я смеялась над этой фразой.

Теперь она вернулась ко мне почти как проклятие.

Я медленно поднялась и подошла к туалетному столику. Лицо в зеркале было еще бледнее, чем утром. Губы высохли. Под кожей, на ключицах и запястьях, словно просвечивал остаточный золотой жар. Я умылась холодной водой, потом еще раз. Стало легче дышать.

Если Элиас жив. Если он еще в городе. Если Арден не отрезал меня от него полностью.

Слишком много «если».

Но мне больше не из чего было выбирать.

Я нажала на маленький бронзовый колокольчик на столе. Через минуту появилась Мари. Она явно ждала, что я бу-

ду разбита, заплакана, возможно, сорвусь на ней после чего-то, что случилось в кабинете. Вместо этого я стояла у окна прямая, почти спокойная. Наверное, именно это испугало ее сильнее.

— Леди?

— Мари, мне нужно, чтобы ты кое-что сделала. Осторожно. И никому ни слова.

Она напряглась.

— Если это возможно...

— Возможно. Но опасно.

На ее лице мелькнуло старое желание спрятаться, отступить, не знать лишнего. Я не осуждала ее. В доме Ардена выживали именно так.

— Ты знаешь, где сейчас живет мастер Элиас Морвей? — спросила я.

Она растерялась.

— Архивариус? Тот старик из Верхнего квартала?

— Он жив?

— Кажется, да. Говорили, что после пожара в восточном архиве он переехал ближе к Старому мосту. В дом с лавкой переплетчика внизу.

Сердце дернулось.

Жив.

— Мне нужно передать ему записку.

Мари отшатнулась почти незаметно, но я увидела.

— Леди... если господин магистр узнает...

— Тогда он узнает. Но лучше ему узнать поздно.

Я подошла к секретеру, достала плотный лист бумаги, чернила и перо. Пальцы чуть дрожали, но буквы легли ровно.

Мастер Морвей, если вы еще помните Лиору Эстерваль, мне нужна помощь. Срочно. Это касается печати подавления, связанного брачного контура и ритуального отвода силы. Если во мне осталось хоть что-то от моей прежней па-

мяти, вы поймете, что я не стала бы писать без причины. Ответ или встречу прошу передать через Мари. Никому не доверяйте. Особенно дому Ардена Вальтера.

Я перечитала написанное.

Резко. Опасно. Но тратить время на осторожные формулы уже не было смысла.

Сложив лист, я запечатала его воском без герба — просто гладким оттиском монеты.

— Передашь лично в руки. Никому другому, — сказала я, протягивая письмо Мари.

Она не спешила брать.

— Леди... если за мной проследят?

— Тогда скажешь, что я отправила тебя за старым лекарственным сбором для бессонницы. Это даже не будет полной ложью.

Она взяла письмо, как берут раскаленный металл.

— Я постараюсь.

— Нет. Ты сделаешь.

Мари подняла глаза. И впервые за все время между нами не было привычной дистанции хозяйки и служанки. Только две женщины, которые слишком хорошо понимают цену страха.

— Да, леди.

Когда она ушла, я осталась одна.

Дом вокруг жил обычным днем. Где-то скрипела лестница. На заднем дворе стучали ведра. Внизу приглушенно переговаривались лакеи. За окнами ветер гонял по саду остатки мокрых листьев. И все это обычное течение жизни казалось почти издевательским на фоне того, что происходило внутри меня.

Я подошла к креслу и медленно опустилась в него.

Ждать.

Самое тяжелое.

Пока ждешь, боль успевает обрасти мыслями. А мысли —

худшее, что можно дать преданной женщине. Они превращают каждый жест прошлого в улику.

Вот Арден подает мне бокал с настойкой и говорит: *«Это поможет тебе восстановиться»*.

Вот он целует меня в лоб после очередной тяжелой ночи и шепчет: *«Потерпи, Лиора, скоро станет легче»*.

Вот он забирает из моих рук старые книги по ритуалистике и мягко улыбается: *«Зачем тебе это теперь? Ты слишком быстро устаешь»*.

Вот он объясняет гостям, почему я редко бываю на приемах: *«У моей жены хрупкое здоровье, я оберегаю ее»*.

Оберегаю.

От кого?

От жизни?

От правды?

От самой себя?

Меня затрясло не от холода — от омерзения. Самое страшное в предательстве не измена. Не чужая женщина. Не даже украденная сила.

Самое страшное — это когда ты вдруг понимаешь: тебя годами убеждали любить собственную клетку.

К вечеру я была уже почти уверена, что ответа не будет. Что Арден каким-то образом перехватил письмо. Или Элиас не захочет вмешиваться. Или просто слишком стар, слишком болен, слишком осторожен.

Но когда начало темнеть и по окнам снова побежали полосы мелкого дождя, в дверь тихо постучали.

Не Мари.

Я напряглась.

— Кто?

— Я, леди, — раздался шепот Эдрика. — Простите... мне велели вам это передать.

Я открыла щель ровно настолько, чтобы увидеть его лицо. Молодой лакей был бледен и явно не понимал, что за игру

ведут вокруг него.

В его руке лежал тонкий сверток, обернутый в обычную оберточную бумагу, как от лавки переплетчика.

Я молча взяла его.

— Кто дал?

— Старик у задних ворот. Сказал, что это сбор от бессонницы.

Я кивнула и закрыла дверь.

Пальцы едва слушались, пока я разворачивала бумагу.

Внутри оказалась не трава.

Тонкая записка и маленький плоский амулет на черном шнуре — старое защитное стекло с впаянной серебряной нитью.

Записка была короткой.

Я помню Лиору Эстерваль. И слишком хорошо помню, кто пытался сделать ее удобной. Приходить к вам в дом

нельзя. За ним следят не только люди вашего мужа. Завтра в полдень, старая часовня у Северного кладбища. Без сопровождения. Наденьте амулет немедленно и не снимайте. Если он заметит — скажите, что это реликвия матери. И самое главное: не пейте ничего, что вам подадут сегодня вечером.

Я перечитала трижды.

Не пейте ничего.

Сердце болезненно сжалось.

Потому что это уже не похоже было на осторожность старого параноика. Это звучало как знание.

Я надела амулет сразу. Стекло оказалось холодным, потом быстро нагрелось от кожи. На секунду по шее прошла легкая вибрация, будто серебряная нить внутри откликнулась на что-то невидимое.

Реликвия матери.

Ладно.

Пусть будет так.

Мне оставалось только дожить до завтра и не дать Ардену понять, что я вышла на след помощи.

Это оказалось труднее, чем я думала.

Потому что через час он сам пришел ко мне.

Без стука.

Без предупреждения.

Будто и не существовало ни скандала, ни вспыхнувшего контура, ни утренней войны за завтрак. Он вошел в комнату уже в домашнем темном камзоле, с непроницаемым лицом и той опасной собранностью, которую я теперь начинала различать почти физически.

— Ты не спустилась к ужину, — сказал он.

— У меня нет аппетита.

— Зато у меня есть вопросы.

Я сидела у окна с книгой на коленях — раскрытой, но, разумеется, нечитанной. Подняла на него глаза спокойно, хотя

внутри все сжалось. Он подошел ближе. Слишком близко.

— Например? — спросила я.

— Например, откуда у тебя амулет.

Вот так.

Заметил.

Я коснулась стекла на шее почти небрежно.

— Это вещь моей матери.

— Раньше ты ее не носила.

— Раньше я много чего не делала.

Он смотрел на амулет, не скрывая неприязни.

Значит, Элиас был прав. Вещь работала.

— Сними, — сказал Арден.

Я подняла брови.

— Нет.

— Он может исказить твой и без того нестабильный фон.

— Как удобно. Все, что защищает меня от тебя, у тебя немедленно начинает «исказить фон».

Он шагнул еще ближе.

— Лиора, не заставляй меня спорить из-за безделушки.

— Безделушка пусть остается.

На миг его взгляд потемнел.

— Ты сегодня удивительно любишь рисковать.

— Это приходит вместе со зрением. Когда начинаешь наконец видеть, сколько лет тебя держали во тьме.

Он резко протянул руку к шнурку на моей шее.

Я отпрянула, но не успела.

Его пальцы коснулись стекла — и амулет вспыхнул.

Не ярко. Но достаточно, чтобы между его рукой и моей кожей прошла серебристая дуга. Арден отдернул ладонь.

Мы оба замерли.

— Интересно, — тихо сказала я. — А с моей стороны это ощущается как здравый смысл.

Его лицо стало ледяным.

Теперь он знал наверняка: у меня есть защита. И защита ему не нравится.

— Ты с кем-то связалась? — спросил он.

— А ты почему спрашиваешь так, будто боишься ответа?

Он не ответил.

Только очень внимательно посмотрел мне в глаза. Так внимательно, словно пытался пролезть внутрь, найти там ложь, след, подсказку. Но, к его раздражению, я уже не опускала взгляд первой.

— Завтра ты останешься дома, — сказал он.

— С чего бы?

— С того, что я так решил.

— А я решила иначе.

— Ты думаешь, это игра?

— Нет. Думаю, игра для тебя закончилась.

Он сделал вдох, будто удерживая злость за зубами.

— Хорошо. Тогда слушай меня. Завтра утром приедет маг-лекарь из Совета. Независимый. Он осмотрит тебя и подтвердит, что твое состояние нестабильно. После этого ты проведешь несколько дней в покое, под наблюдением. А затем мы решим, как быть дальше.

Я застыла.

Независимый.

Конечно.

Так это и делается: собрать удобных людей, назвать их независимыми, оформить твою изоляцию как заботу, а твое

сопротивление — как симптом.

— Нет, — сказала я.

— Да.

— Я не стану его принимать.

— Станешь.

— Попробуй заставить.

Он улыбнулся.

Очень слабо. Очень нехорошо.

— Не провоцируй меня на методы, о которых потом пожалеешь.

Во мне все заledenело.

Потому что вот теперь это была уже не завуалированная угроза. И он даже не пытался скрыть этого.

— Угрожаешь? — тихо спросила я.

— Предупреждаю.

— Какая разница.

— Для умных людей — большая.

Я медленно закрыла книгу.

— Тогда, видимо, тебе придется пережить общество глупой женщины. Потому что завтра я все равно выйду из этого дома.

На секунду мне показалось, что он сейчас ударит. Не магией. Не словом. По-настоящему. В его лице мелькнуло такое темное, звериное напряжение, что воздух в комнате стал тяжелым.

Но Арден снова удержался.

Он всегда умел держать форму.

Даже чудовища любят приличия, пока их не прижмут.

— Ты забываешь, кто я, — произнес он.

— Нет. Наоборот. Я наконец-то начинаю это понимать.

Он наклонился ко мне так близко, что я почувствовала запах его кожи, холодный и знакомый до отвращения.

— Без меня тебя разорвут на части те силы, о которых ты даже не подозреваешь.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда пусть лучше меня разорвут силы. Но не ты.

Несколько секунд он стоял неподвижно. Потом выпрямился и направился к двери.

У порога остановился.

— Ты не выйдешь завтра, Лиора.

— Посмотрим.

Он ушел.

А я осталась стоять посреди комнаты, ощущая, как под кожей снова поднимается золотой жар. Теперь уже не от боли. От ярости и страха, сплетенных так тесно, что их невозможно было отделить.

Он что-то готовил.

Я чувствовала это.

Не просто визит лекаря. Что-то еще.

И потому ночью почти не спала снова. Только на этот раз не сидела без движения. Я готовилась.

Выбрала самое простое темное платье, в котором легче двигаться. Спрятала в рукаве тонкий складной нож — скорее для уверенности, чем для настоящей защиты. Уложила волосы в тугой узел. Оставила на столе нетронутый кувшин с водой и чашку для утреннего чая, которые наверняка принесут. Слова Элиаса о том, чтобы не пить ничего, были слишком ясны.

На рассвете в дом пришла странная тишина.

Такая, какая бывает перед ловушкой.

Я сразу поняла, что не ошиблась.

Обычно утром в коридорах уже слышались шаги, приглушенные голоса, стук посуды. Сегодня — почти ничего. Толь-

ко ветер за окнами да редкий скрип половиц где-то внизу.

Меня это не успокоило.

Наоборот.

Когда в дверь постучали и вошла младшая служанка с подносом, я уже была одета.

На подносе стояли чайник, чашка и маленькая тарелка с печеньем.

Я даже не прикоснулась.

— Оставь, — сказала я.

Девушка нервно кивнула и ушла, не поднимая глаз. Как только дверь закрылась, я подошла к столику и осторожно понюхала чай.

Обычный запах.

Травы. Мед. Лимонная корка.

Именно поэтому я и не поверила.

Подошла к умывальному тазу и вылила все до капли. Потом сполоснула чашку, будто ничего и не было.

Через полчаса пришел Арден.

Не один.

С ним действительно был маг-лекарь из Совета — пожилой мужчина с аккуратной бородкой, серой мантией и слишком бесстрастным лицом. Он оглядел меня так, как смотрят на пациента, о котором уже все решили заранее.

— Леди Вальтер, — произнес он, слегка поклонившись. — Мне жаль, что мы встречаемся при столь неприятных обстоятельствах.

— А мне жаль, что вы называете неприятными обстоятельствами предательство и магическое насилие, — ответила я.

Лекарь даже не моргнул.

— Господин магистр предупредил, что вы находитесь в возбужденном состоянии.

— Как удобно. Он вас еще и заранее настроил.

Арден стоял у двери, сложив руки за спиной. Спокойный. Почти скучающий.

Словно знал, чем все закончится.

— Осмотр займет немного времени, — продолжил лекарь. — После этого мы сможем помочь вам восстановить стабильность.

— Нет.

— Леди, не усложняйте.

— Я не дам себя трогать.

Он чуть повернул голову к Ардену. Тот ответил едва заметным кивком.

И именно тогда я поняла: они уже договорились.

Этот человек не пришел проверять. Он пришел оформлять мой слом.

— Вы все-таки решили объявить меня безумной, — сказала я почти с интересом.

Лекарь сложил руки перед собой.

— Никто не говорит о безумии. Речь идет о магическом истощении, осложненном эмоциональным потрясением.

— После измены мужа и обнаружения печати подавления, полагаю?

В комнате стало тихо.

Лекарь впервые перевел на Ардена более внимательный взгляд.

Но тот даже не шелохнулся.

— Печати нет, — сказал он ровно.

— Есть.

— Вам показалось.

— И ритуального контура в вашем кабинете тоже нет?

На этот раз лекарь уже смотрел не только на меня.

Я увидела. Пусть едва заметно, но увидела.

Он не был в курсе всего.

Прекрасно.

Значит, у меня еще был шанс.

— Господин магистр, — осторожно начал лекарь, — возможно, мне лучше побеседовать с леди наедине...

— Нет, — отрезала я. — Наедине я с мужчинами больше не беседую. Особенно с теми, кто пришел объявить мою реальность бредом.

Арден чуть сощурился.

Я поняла, что давлю правильно.

И тогда пошла ва-банк.

— Мастер, — обратилась я к лекарю, — как называется ритуал, в котором на супругу ставится контур отвода силы с привязкой через брачный канал и домовый якорь?

Тишина стала такой плотной, что ее можно было резать

ножом.

Лекарь побледнел.

Совсем немного. Но этого хватило.

— Я... не понимаю, о чем вы, — сказал он.

— Понимаете. И очень хорошо.

Он перевел взгляд на Ардена. Впервые — не просто вопросительный, а тревожный.

Я увидела это.

И Арден тоже.

— Достаточно, — сказал он тихо.

— Нет, — ответила я. — Только начинается.

Лекарь отступил на шаг.

— Господин магистр, мне кажется, мы должны обсудить это отдельно...

— Вы уже достаточно обсудили, — перебила я. — Теперь послушайте меня. Если до полудня я не покину дом, письмо с именами, описанием контура и указанием вашего присутствия здесь сегодня попадет в архив Совета.

Я блефовала.

Почти полностью.

Но по тому, как изменилось лицо Ардена, поняла: попала.

— Ты не выйдешь отсюда, — произнес он уже без всякой светской оболочки.

— Тогда попробуй удержать.

И в эту секунду магия сама поднялась под моей кожей.

Не вспышкой.

Волной.

Тихой, тяжелой, золотой.

Амулет на шее нагрелся. Воздух в комнате дрогнул. Лекарь испуганно отшатнулся. Арден напрягся, готовясь ста-

вить щит.

Но я не ударила.

Я просто посмотрела на них обоих и вдруг ясно, почти физически поняла: они боятся не моей истерики. Не громких слов. Не скандала.

Они боятся, что я выйду за пределы дома живой и в здравом уме.

Потому что тогда все, что он строил, может рухнуть.

И это знание оказалось вкуснее любой мести.

— Отойдите, — сказала я.

Ни один не двинулся.

Тогда я улыбнулась.

— Хорошо. Значит, будем по-плохому.

Я резко опрокинула на пол столик с чайным подносом.

Фарфор разбился с оглушительным звоном. Дверь рас-

пахнулась. На шум, конечно, тут же бросились слуги.

Именно этого я и ждала.

Когда в проеме появились Мари, Эдрик и еще двое лакеев, я громко, отчетливо произнесла:

— Господин магистр пытается удержать меня силой и объявить невменяемой после того, как я обнаружила ритуальный контур отвода моей магии.

Лицо Ардена стало мертвенно спокойным.

Самое опасное выражение из всех.

Но уже поздно.

Слова прозвучали.

При свидетелях.

При лекаре.

В доме, где слухи летают быстрее ветра.

— Вон, — ледяным голосом сказал он слугам.

Но они уже слышали.

Все.

Я увидела это по глазам Мари.

По ужасу Эдрика.

По тому, как лекарь опустил взгляд, будто внезапно понял, что стоит слишком близко к делу, которое пахнет не медициной, а преступлением.

Арден медленно повернулся ко мне.

— Ты только что совершила самую большую ошибку в своей жизни.

Я шагнула к двери.

— Нет. Самую большую я совершила в день, когда тебе поверила.

И вышла.

Прямо между слугами.

Никто меня не остановил.

Ни на этом этаже.

Ни на лестнице.

Ни в холле.

Потому что теперь это уже было бы не тихое семейное усмирение. Это было бы публичное удержание женщины, которая кричит о ритуальном отводе силы.

А Арден пока еще не был готов сорвать с себя маску окончательно.

Я покинула дом через боковой выход, не оборачиваясь. Холодный влажный воздух ударил в лицо, как освобождение. В груди горело, ноги дрожали, сердце колотилось, но я шла.

К экипажу.

К улице.

К часовне у Северного кладбища.

К правде, которую уже нельзя будет простить.

Часовня стояла на окраине старого кладбища, где мрамор давно потемнел от времени, а каменные ангелы потеряли лица под ветром и дождями. Невысокая, с треснувшим куполом и облупленной дверью, она казалась забытым местом, слишком скромным для тайных встреч сильных мира. Именно поэтому, наверное, и подходила идеально.

Я вошла внутрь, тяжело дыша.

Пахло сыростью, воском и пылью.

У дальнего окна, где цветные стекла давно утратили половину узоров, стоял Элиас Морвей.

Старше. Суше. Сгорбленнее, чем в моей памяти.

Но глаза — те же.

Острые. Живые. Почти беспощадные.

Он повернулся ко мне, и на миг в его лице мелькнуло что-то похожее на боль.

— Девочка Эстерваля, — тихо сказал он. — Во что же тебя превратили.

У меня сжалось горло.

Потому что это были первые слова за много лет, в которых ко мне обращались не как к жене Ардена Вальтера. Не как к больной. Не как к проблеме.

А как ко мне самой.

— Вы знали? — спросила я.

Он не стал притворяться.

— Подозревал. Слишком многое совпадало. Но прямых доказательств не было. А твой муж очень хорошо умеет зачищать следы.

— На мне печать?

Элиас посмотрел на амулет у меня на шее, потом шагнул ближе.

— Дай руку.

Я протянула запястье.

Он коснулся его двумя пальцами, прикрыл глаза и замер. Длилось это всего несколько секунд, но мне показалось — целую вечность.

Когда он открыл глаза, в них уже не было сомнений.

Только мрачная, тяжелая уверенность.

— Да, — сказал он. — И не просто печать. На тебе стоит сложный брачный паразитический контур с подавлением ядра дара, отводом силы и частичной коррекцией памяти после ритуалов.

Я будто перестала слышать мир.

Только собственную кровь в ушах.

— Коррекцией... памяти? — повторила я.

— Да. Не полной. Иначе ты давно бы рассыпалась как личность. Но достаточно, чтобы ты сомневалась в себе, забывала фрагменты ночей, принимала навязанную версию происходящего за свою.

Я медленно убрала руку.

Меня знобило.

Каждое слово ложилось на место, как новый камень на могилу моего прошлого.

— Значит, я не сходила с ума.

— Нет.

— Я не была слабой.

— Нет.

— Он... действительно крал мою силу?

Элиас отвел взгляд на треснувший алтарь.

— Да.

Только одно слово.

Но именно оно разрезало меня окончательно.

Я стояла посреди старой часовни и чувствовала, как рушится последняя надежда на то, что, может быть, где-то внутри этой истории еще осталось место для ошибки, неправильного понимания, сложной правды, которую можно хоть как-то простить.

Нет.

Это была не сложная правда.

Это было чистое, холодное, расчетливое зло.

— Почему? — спросила я.

Элиас посмотрел на меня очень внимательно.

— Потому что твой дар редкий. Потому что твоя кровь опасна. Потому что после смерти твоего отца нашлось слишком много желающих либо заполучить тебя, либо обезвредить. И потому что Арден Вальтер оказался достаточно умен, чтобы выдать захват за спасение.

— Захват... — выдохнула я.

— Именно так.

Я закрыла глаза.

И на секунду мне показалось, что я сейчас просто упаду.

Но не упала.

Потому что внутри, под всей этой болью, уже рождалось что-то другое.

Не слезы.

Не слабость.

Ярость.

Трезвая. Чистая. Холодная.

Та, с которой женщины начинают не плакать, а мстить.

— Это можно снять? — спросила я.

Элиас молчал слишком долго.

Потом ответил:

— Можно. Но цена будет высокой.

Я открыла глаза.

— Мне все равно.

— Тебе не все равно, девочка. Просто ты еще не знаешь, чего это будет стоить.

— Скажите.

Он сделал вдох.

— Если контур разорвать резко, ты можешь погибнуть. Если разорвать неправильно — погибнете вы оба. Если он успеет укрепить якоря дома, тебя снова ослабят быстрее, чем ты успеешь собраться. А если за твоей кровью действительно стоят те, о ком я думаю, после снятия печати ты станешь для них видимой.

Я слушала и чувствовала, как страх поднимается внутри холодной водой.

Но поверх него уже стояло другое решение.

Непоколебимое.

— Значит, будем снимать правильно, — сказала я.

Элиас медленно кивнул.

И в его взгляде впервые за все время мелькнуло не сочувствие, а уважение.

— Тогда слушай меня очень внимательно, Лиора, — произнес он. — Потому что с этой минуты ты уже не жертва. С этой минуты ты — женщина, которая начала войну.

Глава 6. Изгнание

Слова Элиаса еще долго звенели у меня в голове.

С этой минуты ты уже не жертва. С этой минуты ты — женщина, которая начала войну.

Иногда одна фраза меняет дыхание.

По дороге обратно я шла уже не так, как выходила из дома утром. Тогда мной двигали ярость, страх и отчаянная необходимость успеть. Теперь к ним примешалось нечто более опасное — ясность. Жесткая, как тонкий лед, под которым скрыта темная вода.

Печать существовала.

Контур существовал.

Коррекция памяти существовала.

Моя слабость была не приговором тела, а спланированным последствием его воли.

Я не ошиблась ни в одном главном подозрении.

И эта правда была такой тяжелой, что первое время тело отказывалось принимать ее полностью. Мне казалось, если я остановлюсь хотя бы на минуту, меня просто согнет пополам от того, сколько всего сразу приходится вместить в сердце.

Муж не просто изменял мне.

Он годами делал меня слабой.

Он пользовался моей магией.

Он вторгался в мою память.

Он внушал мне мою ничтожность.

И все это — с лицом человека, который называл себя моей защитой.

Мокрый ветер бил в щеки, пока экипаж трясся по камням мостовой. За окном мелькали серые фасады, лавки, уличные фонари, запоздалые прохожие, прячущие лица под капюшонами. Город жил своей жизнью. Обычной. Равнодушной. Никто не знал, что в одной из карет едет женщина, которой только что вернули ее собственную реальность.

Я сжимала в ладони маленький свернутый лист, который дал мне Элиас перед уходом.

На нем были выписаны три имени, два символа и одно предупреждение:

Не оставайся с ним наедине ночью.

Я перечитывала это снова и снова, хотя уже выучила наизусть.

Перед расставанием Элиас долго смотрел на меня, словно прикидывал, насколько честным он может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.